

Туманы Грейпорта: 50 дел инспектора Вэйна

Детективные загадки



Мария Марцева

Мария Марцева
Детективные загадки.
Туманы Грейпорта: 50
дел инспектора Вэйна

<https://litres.ru/74021218>

SelfPub; 2026

Аннотация

Туманный портовый город Грейпорт хранит тёмные тайны — и лишь инспектор Артур Вэйн умеет читать их по сухому зонту, нетронутой пыли и следам на снегу. Перед вами не сборник для чтения в кресле, а пятьдесят приглашений к работе ума: в каждом деле вы становитесь не зрителем, а сыщиком, напарником и «вторым умом» инспектора.

Книга выстроена как настоящая школа дедукции — от простых загадок с одной уликой до запутанных логических расследований с круговыми алиби, запертыми комнатами, подброшенными уликами и мнимыми исчезновениями. Вы научитесь слушать свидетелей и не верить им, отличать подлинник от подделки, замечать то, чего быть не должно. После каждой загадки — подробный разбор хода мысли Вэйна, шаг за шагом.

А финал приготовил особое испытание: пятидесятое дело инспектор доверит раскрыть вам одному. Возьмите карандаш, бумагу — и проверьте, готовы ли вы пройти весь путь сыщика сквозь туманы Грейпорта.

Содержание

Предисловие	6
Раздел 1. Загадки для начинающих	13
Загадка №1. Пропавшее кольцо	13
Ответ к Загадке №1. Пропавшее кольцо	19
Загадка №2. Лживый сосед	25
Ответ к Загадке №2. Лживый сосед	31
Загадка №3. Разбитое окно	37
Ответ к Загадке №3. Разбитое окно	43
Загадка №4. Чужой зонт	49
Ответ к Загадке №4. Чужой зонт	55
Загадка №5. Следы на ковре	62
Ответ к Загадке №5. Следы на ковре	67
Загадка №6. Опоздавший свидетель	73
Ответ к Загадке №6. Опоздавший свидетель	79
Загадка №7. Тайна закрытой двери	86
Ответ к Загадке №7. Тайна закрытой двери	91
Загадка №8. Не тот ключ	98
Ответ к Загадке №8. Не тот ключ	103
Загадка №9. Украденный пирог	110
Ответ к Загадке №9. Украденный пирог	115
Загадка №10. Странное письмо	121
Ответ к Загадке №10. Странное письмо	126
Загадка №11. Мокрый плащ	133

Ответ к Загадке №11. Мокрый плащ
Конец ознакомительного фрагмента.

138

143

Мария Марцева

Детективные загадки.

Туманы Грейпорта: 50 дел инспектора Вэйна

Предисловие

Туман в Грейпорте — особенный. Он не просто стелется по мостовым и не только укрывает гавань белёсым покрывалом по утрам. Этот туман словно живой: он прячет в своих складках чужие тайны, приглушает шаги преступников, размывает лица свидетелей и заставляет даже самые очевидные вещи казаться загадочными. Здесь, в городе вечной серой дымки, где море дышит солью и старыми историями, а фонари едва пробивают мглу узкими жёлтыми лучами, рождаются дела, которые не под силу обычному человеку. Но не инспектору Артуру Вэйну.

Эта книга — приглашение. Приглашение войти в туман вместе с ним.

Прежде чем вы перевернёте страницу и окажетесь на месте первого преступления, давайте договоримся о главном. Вы держите в руках не сборник рассказов, которые нужно

просто прочитать, откинувшись в кресле. Вы держите пятьдесят приглашений к работе ума. Пятьдесят дел, в каждом из которых вам предстоит стать не зрителем, а участником. Не читателем, а сыщиком.

И здесь возникает закономерный вопрос: чем детективная загадка отличается от обычной головоломки?

Головоломка честна с вами до прямолинейности. Она говорит: «Вот цифры — расставь их по местам. Вот фигуры — собери их в узор. Вот слова — найди спрятанное среди букв». Головоломка проверяет вашу внимательность, вашу способность считать, сопоставлять, перебирать варианты. Это прекрасная гимнастика для ума, но она работает с абстракциями — с тем, что не имеет ни лица, ни голоса, ни мотива.

Детективная загадка устроена иначе и куда коварнее. Она не выкладывает перед вами готовые элементы. Она рассказывает историю. Живую, человеческую историю, в которой есть люди — а значит, есть ложь, страх, жадность, любовь и ненависть. В детективной загадке кто-то всегда говорит неправду. Кто-то что-то скрывает. Кто-то отчаянно хочет, чтобы вы поверили в одну версию событий, тогда как истина прячется совсем в другом месте — иногда на самом виду, в детали столь незначительной, что глаз скользит по ней, не задерживаясь.

Чтобы разгадать головоломку, нужно быть внимательным. Чтобы разгадать детективную загадку, нужно быть внима-

тельным и недоверчивым одновременно. Нужно слушать, что говорят свидетели, — но при этом помнить, что свидетель может ошибаться, а может и лгать. Нужно смотреть на улики — но понимать, что улику можно подбросить, подделать, инсценировать. В мире детектива не всё, что кажется, является правдой, и не всякая правда лежит на поверхности.

Именно поэтому работа сыщика — это не угадывание. Это рассуждение. Хороший детектив никогда не говорит: «Мне кажется, это сделал он». Он говорит: «Это сделал он, потому что плащ был сухим, хотя на улице с самого утра лил дождь; потому что часы в гостиной показывали время, которое не совпадало с боем колокола на ратуше; потому что в комнате, где якобы никого не было всю ночь, на ковре остались свежие следы». Детектив строит цепочку. Звено за звеном, факт за фактом, пока цепь не сомкнётся вокруг единственно возможного ответа.

Эта книга научит вас строить такие цепочки.

Мы пойдём от простого к сложному, и это движение не случайно. Представьте, что вы поступаете на службу в полицейское управление Грейпорта. Никто не доверит новичку запутанное дело с круговым алиби в первый же день. Сначала вам поручат разобраться с пропавшим кольцом, с лживым соседом, с разбитым окном — дела простые, почти бытовые, где улика всего одна и лежит она достаточно открыто, нужно лишь заметить её и понять, о чём она говорит. Это ваша школа. Здесь вы научитесь главному навыку любого сыщика

— замечать. Видеть то, что видят все, но понимать то, что понимают немногие.

Книга разделена на две части, и каждая из них — новая ступень вашего обучения.

Первый раздел — загадки для начинающих. Простые ситуации с одной чёткой уликой. Сухой зонт в дождливое утро. Сломанный замок, о котором обмолвился тот, кто не должен был его видеть. Гладкая, нетронутая грязь под окном, через которое якобы влез вор. Здесь вы научитесь главному: слушать не только то, что говорят свидетели, но и то, чего они знать не могли, и сопоставлять слова человека с тем, что вы видели своими глазами. Физический мир хранит память о том, что в нём происходило, — и умеющий читать эту память сыщик способен изобличить самого изворотливого лжеца.

Второй раздел — логические расследования. Здесь одной улики уже мало. Вам придётся сопоставлять несколько фактов сразу, выстраивать временные линии, сравнивать показания, выписывать подозреваемых в столбик и вычёркивать тех, чьё алиби подтвердилось. Вы научитесь работать с противоречиями — ведь когда два человека говорят разное об одном и том же событии, по меньшей мере один из них ошибается или лжёт, и задача сыщика — понять, кто именно и почему. Вы встретите круговые алиби, запертые комнаты, мнимые исчезновения и подброшенные улики, что указывают совсем не на того, кого хотел оболгать преступник.

Теперь о том, как пользоваться этой книгой.

Каждое дело снабжено указанием сложности — звёздочками. Одна звезда означает дело для начинающего: будьте внимательны, и вы справитесь. Две звезды — дело потруднее, требующее, чтобы вы свели воедино несколько нитей. Двигайтесь в своём темпе. Никто не торопит вас, и в расследовании спешка — плохой советчик.

Ответы вы найдёте сразу после каждой загадки. И вот здесь я хочу попросить вас об одном — о честности перед самим собой. Соклазн заглянуть в ответ велик, особенно когда дело не поддаётся и мысль ходит по кругу. Но помните: подсмотренный ответ крадёт у вас самое ценное — радость самостоятельного открытия, тот неповторимый миг, когда разрозненные детали вдруг складываются в единую картину и вы восклицаете про себя: «Ну конечно! Как я не заметил раньше!» Этот миг и есть главная награда сыщика. Не лишайте себя его слишком легко.

Дайте каждому делу время. Прочитайте условие дважды, а лучше трижды. Возьмите карандаш и бумагу — выпишите факты, набросайте схему, составьте список подозреваемых. Спрашивайте себя на каждом шагу: что здесь не так? что не сходится? кому выгодно? кто мог это сделать, а кто никак не мог? Подвергайте сомнению каждое слово свидетелей. И только когда вы будете уверены в своём решении — или когда окончательно зайдёте в тупик, — загляните в ответ и сверьте ход своих рассуждений с тем, как рассуждал инспектор Вэйн.

А теперь позвольте представить вам его — человека, чьи-ми глазами вы будете смотреть на каждое из этих дел.

Инспектор Артур Вэйн служит в полицейском управлении Грейпорта дольше, чем многие из его коллег живут на свете. Это немолодой уже человек с внимательным взглядом и неторопливой манерой говорить, в которой неопытные собеседники порой ошибочно видят медлительность ума. На деле же за этой кажущейся неспешностью скрывается ум острый, как бритва, и память, не упускающая ни единой мелочи. Вэйн не верит в случайности и не любит догадок. Его метод прост и беспощаден: собрать все факты, отбросить всё, что противоречит хотя бы одному из них, и принять то единственное объяснение, которое остаётся. «Когда вы отбросили невозможное, — любит повторять он, — то, что осталось, и есть правда, сколь бы странной она ни казалась».

Он знает Грейпорт как свои пять пальцев — каждый закоулок туманного порта, каждую таверну на набережной, каждый особняк на холме, где живут старые состоятельные семьи со своими старыми тёмными тайнами. Он знает, что туман этого города прячет многое, но не умеет прятать всё. Где-то всегда остаётся след. Где-то всегда обнаруживается оговорка, несостыковка, лишняя деталь. И Вэйн умеет их находить.

Отныне он — ваш наставник. А вы — его напарник, его глаза и его второй ум. В каждом деле он будет рядом, но решать предстоит вам. Он покажет вам место преступления,

познакомит со свидетелями, выложит перед вами улики — а дальше дело за вами. Сумеете ли вы заметить то, что заметил он? Сумеете ли вы выстроить ту самую цепочку рассуждений, что ведёт к истине сквозь туман лжи и заблуждений?

Пятьдесят дел ждут вас. Пятьдесят загадок, больших и малых, простых и хитро запутанных. От пропавшего кольца до сбоя во времени, от лживого соседа до развязки в густом тумане над гаванью. А в самом конце вас будет ждать особое, пятидесятое дело — дело, в котором инспектор Вэйн, сражённый простудой, не сможет свести нити воедино и впервые доверит сделать это вам одному. Дело читателя. К тому времени вы пройдёте всю школу сыска, и развязку этого последнего расследования вам предстоит произнести самому. Это будет ваш выпускной экзамен и ваша награда за весь пройденный путь.

Что ж, фонари зажжены, туман сгущается над гаванью, и где-то в его молочной глубине уже совершается первое преступление. Инспектор Вэйн надевает плащ и оборачивается к вам.

«Идёмте, — говорит он негромко. — Нас ждут. И помните главное правило: смотрите внимательно. Истина почти всегда у вас перед глазами. Нужно лишь уметь её увидеть».

Переверните страницу. Расследование начинается.

Раздел 1. Загадки для начинающих

Загадка №1. Пропавшее кольцо

Утро в Грейпорте выдалось особенно сырым. Туман подкрался к самым окнам полицейского управления и липнул к стёклам, словно хотел подслушать, о чём говорят внутри. Инспектор Артур Вэйн только успел согреть руки о чашку крепкого чёрного чая, когда дверь его кабинета распахнулась без стука, и на пороге возникла полная дама в дорогом, но измятом платье. Её щёки пылали от волнения, а в глазах стояли слёзы.

— Инспектор! — выпалила она, прижимая к груди расшитую бисером сумочку. — Меня обокрали! Сегодня ночью из моей спальни пропало бриллиантовое кольцо моей покойной матушки. Оно стоит целое состояние, но дело даже не в деньгах — это память, понимаете, единственная память!

Вэйн неторопливо отставил чашку и жестом пригласил гостью сесть. Так он познакомился с госпожой Эвелиной Хартвуд, вдовой состоятельного судовладельца, проживающей в большом доме на Туманной улице, у самого подножия холма. А заодно — и вы, мой читатель, ибо отныне вы стоите рядом с инспектором и видите всё его глазами.

— Расскажите по порядку, — мягко произнёс Вэйн, до-

ставая потёртый блокнот. — Когда вы в последний раз видели кольцо?

Госпожа Хартвуд промокнула глаза кружевным платком.

— Вчера вечером, перед сном. Я всегда снимаю его на ночь и кладу в шкатулку на туалетном столике, прямо у кровати. Заперла шкатулку на ключик, ключик спрятала под подушку, как делаю каждую ночь вот уже двадцать лет. А утром проснулась — шкатулка открыта, замочек цел, а кольца нет! Ключ так и лежал под подушкой, я его не вынимала. Дверь спальни была закрыта изнутри на задвижку — я всегда запираюсь, с тех пор как овдовела, боюсь спать в открытой комнате.

Вэйн задумчиво постучал карандашом по блокноту.

— Значит, дверь была заперта изнутри. А окно?

— Закрыто на шпингалет. Я проверила первым делом. Да и что толку в окне — моя спальня на втором этаже, под ним отвесная стена, ни дерева, ни водосточной трубы рядом. Никто бы не взобрался.

— Кто живёт в доме, кроме вас?

Дама принялась загибать пухлые пальцы.

— Трое слуг. Горничная Марта — служит у меня уже пятнадцать лет, честнейшая душа. Кухарка, госпожа Бриджет, — тоже давно. И молодой человек по имени Дэниел, я наняла его садовником и помощником по дому всего три месяца назад. Ещё гостит мой племянник Освальд — приехал неделю назад, говорит, по делам, но я-то знаю, что денежки

у него вечно текут сквозь пальцы.

Час спустя инспектор Вэйн, а с ним и вы, уже стояли в просторной спальне госпожи Хартвуд. Туман снаружи начал редеть, и сквозь высокое окно пробивался бледный молочный свет. Вэйн осмотрел всё с присущей ему неторопливостью.

Шкатулка стояла на туалетном столике открытая. Замочек её и вправду оказался цел и невредим — ни царапины, ни следа взлома, и открывался он гладко, поворотом маленького медного ключа, который госпожа Хартвуд тут же продемонстрировала, достав из-под подушки. Дверь спальни была массивной, дубовой, с тяжёлой железной задвижкой изнутри. Вэйн подёргал её — задвижка ходила туго и громко скрежетала. Окно сидело плотно, шпингалет покрылся лёгким налётом — видно было, что его давно не трогали.

Затем инспектор побеседовал с обитателями дома, и вы внимательно слушали каждого.

Горничная Марта, худенькая женщина с добрым усталым лицом, рассказала, что вечером, как обычно, помогла госпоже подготовиться ко сну, видела, как та положила кольцо в шкатулку и заперла её, после чего ушла в свою комнату на первом этаже и до утра не поднималась наверх.

— Я бы услышала, если б кто шёл по лестнице, — добавила она. — Третья ступенька снизу скрипит так, что мёртвого разбудит. Хозяин всё собирался её починить, да так и не успел, царствие ему небесное.

Кухарка Бриджет, краснолицая и громкоголосая, заявила, что всю ночь спала без задних ног и проснулась лишь от криков хозяйки поутру.

Садовник Дэниел, статный парень с обветренными руками, держался почтительно, но смотрел в пол.

— Я живу не в доме, а в сторожке у ворот, госпожа инспектор... то есть господин инспектор. Вечером запер теплицу и ушёл к себе. В дом ночью не входил, мне там и делать нечего.

Последним Вэйн пригласил для разговора племянника Освальда. Это был молодой щёголь в ярком жилете, с напомаженными усиками и беспокойным взглядом. Он держался развязно, то и дело поправлял манжеты и отвечал чуть быстрее, чем следовало бы.

— Дорогой инспектор, я возмущён самим фактом подозрений! — воскликнул он, едва усевшись. — Да, я племянник, да, я небогат, но это вовсе не значит, что я вор! Всю ночь я спал в своей комнате в конце коридора и ничего не слышал. А утром, как услышал шум, тут же выскочил и бросился к тётушке — спросите кого угодно, я первым прибежал на её крики! Я был так потрясён случившимся, что едва не лишился чувств, увидев эту разорённую, опустошённую шкатулку с откинутой крышкой и сломанным замком. Бедная, бедная тётушка!

Вэйн слушал молодого человека молча, и лишь уголок его рта едва заметно дрогнул. Когда Освальд наконец умолк, пе-

реводя дыхание, инспектор тихо закрыл блокнот и повернулся к вам.

— Что ж, — произнёс он негромко, так, чтобы слышали только вы. — Полагаю, нам больше не о чем спрашивать. Этот человек только что сам выдал себя с головой. Он сказал на одно слово больше, чем следовало, — и в этом одном слове утонула вся его ложь.

Инспектор внимательно посмотрел на вас.

— Вы ведь тоже это заметили, мой друг? Вспомните хорошенько всё, что вы видели в этой спальне своими собственными глазами. А затем вспомните, что только что произнёс наш красноречивый племянник, описывая, как он вбежал в комнату и увидел шкатулку. Сопоставьте одно с другим — и правда явится вам сама, ясная, как утро после тумана.

Туман за окном почти рассеялся. Госпожа Хартвуд с надеждой смотрела то на инспектора, то на вас, комкая в руках платок и не смея поверить, что разгадка уже близка.

А вы стояли посреди спальни и чувствовали, как разрозненные детали этого утра начинают складываться в единую картину. Вы видели шкатулку своими глазами. Вы слышали, что сказал Освальд. И теперь между этими двумя вещами зияло противоречие — маленькое, почти незаметное, но смертельное для лжеца.

Инспектор Вэйн ждал, заложив руки за спину и глядя на вас с тем спокойным ожиданием, с каким наставник ждёт ответа способного ученика.

Кто украл кольцо госпожи Хартвуд?

И — самое главное — какая именно фраза, оброненная преступником, разоблачила его прежде, чем он успел опомниться?

Прежде чем заглянуть в ответ, остановитесь и подумайте. Переберите в памяти всех обитателей дома. Вспомните о двери, запертой изнутри на скрежещущую задвижку, о скрипучей третьей ступеньке, о шпингалете на окне, к которому давно никто не прикасался. Вспомните о шкатулке — о том, в каком виде она предстала перед вами, инспектором и самой хозяйкой. А затем вновь прокрутите в голове пылкую речь Освальда, его сбивчивые оправдания и ту красочную, полную чувств картину, которую он так старательно нарисовал, описывая увиденное в спальне.

Где он ошибся? О чём он мог знать только в одном-единственном случае — если своими глазами видел шкатулку не утром, при всех, а гораздо раньше, в тот самый миг, когда сам же её и открывал?

Истина у вас перед глазами. Нужно лишь уметь её увидеть.

Ответ к Загадке №1.

Пропавшее кольцо

Кольцо украл племянник Освальд. И выдал его, как верно заметил инспектор Вэйн, всего один лишний оборот языка — те слова, которыми он сам, по доброй воле, описал увиденную им шкатулку.

Давайте проследим за рассуждениями инспектора шаг за шагом, как делал это он сам, расхаживая по спальне госпожи Хартвуд.

— Начнём с главного, мой друг, — говорил Вэйн негромко, заложив руки за спину. — С того, что мы с вами видели в этой комнате собственными глазами. Шкатулка стояла на туалетном столике открытой. Но в каком именно состоянии она была? Вспомните внимательно. Замочек её оказался цел и невредим — ни единой царапины, ни следа взлома. Я сам поворачивал этот маленький медный ключ, и он входил гладко, открывал шкатулку мягко, без малейшего усилия. Замок был совершенно исправен. Его не ломали. Его открыли ключом — тем самым ключом, что лежал под подушкой госпожи Хартвуд.

Инспектор сделал паузу, давая вам осмыслить услышанное.

— А теперь, — продолжил он, — припомните слово в слово, что сказал нам наш пылкий молодой человек. Он живо-

писал, как вбежал в спальню на крики тётушки, как был потрясён до глубины души и едва не лишился чувств, увидев — я цитирую дословно — «эту разорённую, опустошённую шкатулку с откинутой крышкой и сломанным замком». Сломанным замком! Вы слышали это так же ясно, как я.

Вэйн остановился и поднял палец.

— Вот оно, противоречие. Вот трещина, сквозь которую сочится правда. Замок на шкатулке цел. Мы оба это видели, видела и сама хозяйка, видели все, кто входил в эту комнату нынче утром. Замок не сломан — он в полном порядке. Откуда же тогда Освальд, якобы лишь мельком заглянувший в спальню в общей суматохе, взял этот «сломанный замок»? Откуда в его голове родилась картина взлома, которого не было?

Ответ, как теперь понимаете и вы, может быть только один. Освальд описывал не ту шкатулку, которую увидел утром при всех. Он описывал ту шкатулку, какой она представлялась в его собственном воображении вора. Замышляя кражу, он рассчитывал, что взломает шкатулку силой — сойдёт замок, сорвёт крышку, обставит дело как грубое ограбление. Именно эта картина «разорённой шкатулки со сломанным замком» жила в его голове как образ задуманного преступления. И когда он принялся, захлёбываясь, изображать невинного свидетеля, эта заготовленная картина сама собой соскользнула с языка — он описал не то, что было на самом деле, а то, что собирался устроить или что воображал

себе заранее.

Но в действительности замок ломать не пришлось. Ключ-то был под подушкой — и настоящий вор это знал. Он не стал крушить шкатулку. Он тихо вынул ключ, отпер шкатулку аккуратно, забрал кольцо и так же тихо вернул ключ на место под подушку, оставив замок нетронутым. Поэтому-то госпожа Хартвуд и нашла шкатулку просто открытой, а во-все не взломанной.

— Заметьте, — добавил Вэйн, — невиновный человек никогда не сказал бы «со сломанным замком», ибо невиновный описывал бы лишь то, что видел своими глазами, — а видел бы он целый замок. Лжец же, торопясь и переигрывая, выдал то, что было у него в мыслях. Он сказал на одно слово больше, чем следовало. Преступников чаще всего губит не молчание, а именно избыток усердия.

Теперь обратимся ко второй части рассуждения — почему преступником не мог быть никто другой. Вэйн методично, как всегда, отсёк всех прочих.

Окно отпадает сразу: оно сидело плотно, шпингалет был покрыт давним налётом пыли — его попросту не трогали. К тому же спальня на втором этаже, под окном отвесная стена без дерева и водосточной трубы. Через окно не входил никто.

Остаётся дверь — единственный путь в комнату. Но и дверь, и лестница к ней свидетельствуют против ночного гостя со стороны. Дверь была заперта изнутри на тяжёлую железную задвижку, которая, как убедился сам инспектор, хо-

дила туго и громко скрежетала. Любой, кто отпирал бы или запирали эту дверь среди ночи, неминуемо поднял бы шум. А чтобы вообще подняться к спальне на втором этаже, нужно пройти по лестнице — той самой, где третья ступенька снизу скрипит, по словам Марты, так, что «мёртвого разбудит».

Кто из обитателей дома мог подняться по этой лестнице незамеченным? Горничная Марта и кухарка Бриджет спали на первом этаже; обе показали, что наверх ночью не поднимались, и скрипучая ступенька выдала бы каждую. Садовник Дэниел и вовсе ночевал не в доме, а в сторожке у ворот; чтобы добраться до спальни, ему пришлось бы войти в дом, пройти всю лестницу со скрипучей ступенькой и отпереть скрежещущую задвижку — слишком много шума для незаметной кражи. К тому же, как тонко отметил Вэйн, замок шкапулки не был взломан, а отперт ключом — значит, вор точно знал, где госпожа Хартвуд прячет ключ. О давней привычке хозяйки держать ключик под подушкой мог знать лишь человек близкий, давно входящий в дом и в её доверие, либо тот, кто имел случай подсмотреть.

И вот здесь все нити сходятся к Освальду. Его комната — единственная, что располагалась на втором этаже, в конце того же коридора, что и спальня тётушки. Ему не нужно было подниматься по предательской скрипучей лестнице среди ночи — он уже находился наверху, в нескольких шагах от цели. Он гостил в доме неделю — достаточно, чтобы подметить, куда тётушка прячет ключ на ночь. У него был и

мотив, о котором обмолвилась сама госпожа Хартвуд: вечно пустые карманы, деньги, утекающие сквозь пальцы. И, наконец, у него была та самая роковая оговорка про «сломанный замок» — оговорка, которая могла сорваться с языка лишь у того, кто сам замышлял эту кражу.

— Видите, как всё складывается? — заключил Вэйн. — Мотив, возможность и — главное — знание, которым обладал лишь преступник. Невинный описал бы целую шкатулку. Вор описал тот образ преступления, что заранее нарисовал в своей голове. Кольцо, я полагаю, мы найдём либо в его комнате, либо уже заложенным у какого-нибудь скупщика на набережной. Пошлём туда# проверить.

Освальд, припёртый к стене этим простым, но безупречным рассуждением, побледнел, сбился и вскоре во всём сознался. Кольцо нашлось зашитым в подкладку его дорожного саквояжа — он собирался заложить его на днях, чтобы покрыть карточные долги. Госпожа Хартвуд получила назад память о покойной матушке, а вы, мой друг, получили первый и важнейший урок сыскного дела.

Запомните его хорошенько, ибо он будет служить вам во всех последующих расследованиях: слушайте не только то, что говорят свидетели, но и то, чего они знать не могли. Сопоставляйте слова человека с тем, что вы видели своими глазами. Когда чьё-то описание расходится с действительностью — когда кто-то «видит» сломанный замок там, где замок цел, — спросите себя: откуда взялась эта ложная карти-

на? И очень часто окажется, что она пришла прямо из головы преступника, который описал не то, что было, а то, что задумал.

Истина, как и обещал инспектор Вэйн, всё это время была у вас перед глазами. Нужно было лишь услышать одно лишнее слово.

Загадка №2. Лживый сосед

Прошло три дня после дела о пропавшем кольце, и туман над Грейпортом сделался ещё гуще. Он стелился по узким улочкам нижнего города, где лепились друг к другу тесные домишки рыбаков и мелких лавочников, заполнял дворы и подворотни, и казалось, будто весь квартал плывёт в молоке. Именно сюда, на улицу Канатчиков, и привело инспектора Вэйна новое дело — а с ним, как всегда, и вас, мой друг.

— Кража со взломом, — коротко пояснил инспектор, шагая по мокрой мостовой. — Обокрали лавку часовщика, господина Фоули. Унесли дневную выручку и несколько дорогих карманных часов. Хозяин в отъезде, вернётся к вечеру, но сосед утверждает, что видел вора своими глазами. Послушаем, что он скажет.

Лавка часовщика приютилась в первом этаже узкого двухэтажного дома, зажатого между точно такими же домишками. Витрина с разбитым стеклом смотрела на улицу пустыни бархатными подставками. А рядом, у соседней двери, уже поджидал их свидетель — сухощавый человек средних лет с бегающими глазками и в потёртом сюртуке. Он представился как господин Криспин, сосед и владелец галантерейной лавочки по соседству.

— Я всё видел, господин инспектор, всё как есть! — зататорил он, едва Вэйн приблизился. — Вчера вечером, ча-

сов около девяти, я как раз стоял у своего окна на втором этаже, вон того, что прямо над моей лавкой. Гляжу — а у витрины Фоули возится какой-то верзила. Высокий, в тёмном плаще, в надвинутой на лоб шляпе. Я его ясно разглядел! Лицо рябое, нос крючком, а на левой щеке — шрам, вот такущий, через всю щёку! Он камнем высадил стекло, сунул руку внутрь, выгреб часы да деньги — и был таков, побежал вон туда, в сторону гавани. Я бы и больше разглядел, да темень, туман...

— В девять часов вечера, говорите? — мягко переспросил Вэйн, оглядывая улицу. — И вы стояли у окна на втором этаже?

— У самого окна, ваша милость! Как вас сейчас вижу, так и его видел — рябого, со шрамом!

Инспектор кивнул и неторопливо прошёлся вдоль витрины. Вы последовали за ним, осматривая место происшествия. Стекло и вправду было выбито — осколки усеяли мостовую снаружи, а внутри, на бархатных подставках, зияли пустоты там, где прежде лежали часы. Возле разбитой витрины валялся увесистый булыжник.

Вэйн поднял голову и посмотрел на окно Криспина — то самое, на втором этаже, прямо над галантерейной лавкой. Затем перевёл взгляд на витрину часовщика. Затем — снова на окно. Что-то в этом неторопливом, задумчивом разглядывании заставило господина Криспина заметно занервничать; он принялся теревить пуговицу сюртука.

— Скажите, господин Криспин, — произнёс инспектор всё так же мягко, — а фонарь на вашей улице один? Вон тот, что на углу?

— Один, ваша милость, один-единственный, — закивал сосед. — Да и тот в тумане едва теплится, чадит себе еле-еле.

— И вчера вечером он горел?

— Горел, как не гореть. Хотя какой от него прок в эдакую-то мглу...

Вэйн прошёлся от угла, где висел фонарь, до витрины часовщика, считая шаги. Расстояние выходило изрядное — добрых тридцать ярдов, и тусклый свет единственного фонаря, тонувший в плотном тумане, никак не мог дотянуться до разбитого окна.

— Любопытно, — пробормотал инспектор себе под нос. Потом обернулся к вам и заговорил тише, так, чтобы не слышал нервничающий сосед: — Скажите-ка, мой друг, вас ничего не смущает в рассказе нашего словоохотливого галантерейщика? Он живописал нам вора с поразительной подробностью — рябое лицо, нос крючком, шрам через всю левую щёку. Подробности достойные художника. И всё это, по его словам, он разглядел вечером, около девяти, в густой туман, со второго этажа, через улицу, при свете единственного чахлого фонаря, висящего за тридцать ярдов.

Вэйн чуть приподнял бровь.

— Вы пробовали когда-нибудь рассмотреть лицо человека в подобных условиях? Я — да. И скажу вам прямо: в такой

час, в такой туман, на таком расстоянии и при таком освещении вы с трудом различили бы, мужчина перед вами или женщина, высокий он или малорослый. Разглядеть же оспины на коже, форму носа, да ещё шрам на щеке — это, простите, не под силу и самому зоркому соколу. Свет фонаря туда попросту не достаёт, а от собственного окна на втором этаже лицо стоящего внизу человека и вовсе видно лишь сверху, в тени шляпы.

Инспектор сложил руки за спиной.

— И вот я спрашиваю себя: откуда же господин Криспин знает в таких мелочах, как выглядел вор? Есть лишь два объяснения. Либо он видел этого человека вовсе не вчера в девять вечера у витрины, а где-то ещё — вблизи, при свете дня, и хорошо его запомнил. Либо он и вовсе выдумал приметы от начала до конца, чтобы пустить нас по ложному следу и направить погоню за неким несуществующим рябым верзилой со шрамом. И в том, и в другом случае наш честный сосед нам лжёт. Вопрос лишь в том — почему.

Вэйн снова посмотрел на разбитую витрину, на булыжник, на пустые бархатные подставки. Затем — на самого Криспина, который под этим спокойным взглядом совсем сник и отвёл глаза.

— Заметьте ещё одну мелочь, — добавил инспектор едва слышно. — Осколки стекла. Где они лежат? Снаружи, на мостовой. А ведь если бы вор разбивал витрину камнем с улицы, как нам рассказывают, стекло осыпалось бы внутрь лав-

ки. Стекло же высыпалось наружу — стало быть, окно выбили изнутри. Из самой лавки. Кто-то открыл её ключом или иным путём, забрал часы и деньги, а потом выбил стекло наружу, чтобы всё выглядело как уличное ограбление. И этот кто-то очень хотел, чтобы мы поверили в рябого незнакомца со шрамом.

Господин Криспин стоял ни жив ни мёртв, комкая в руках полу сюртука. А инспектор Вэйн повернулся к вам и предоставил, по своему обыкновению, сделать вывод самостоятельно.

Итак, мой друг, перед вами загадка. Сосед Криспин уверяет, будто видел вора во всех мельчайших подробностях. Но обстоятельства этой кражи — поздний час, густой туман, единственный далёкий фонарь, взгляд со второго этажа через всю улицу — делают такое подробное описание попросту невозможным. Человек физически не мог разглядеть ни оспин, ни шрама, ни формы носа. А осколки стекла, рассыпанные снаружи, а не внутри, и вовсе шепчут о том, что никакого уличного грабителя не было вовсе.

Почему же сосед так старательно и так подробно описывал несуществующего вора? Что он пытался скрыть за этим вымышленным портретом рябого верзилы? И о чём говорит вам стекло, осыпавшееся не туда, куда следовало бы при ограблении с улицы?

Подумайте хорошенько, прежде чем перевернуть страницу. Вспомните первый урок инспектора Вэйна: слушайте не

только то, что говорят свидетели, но и то, чего они знать и видеть не могли. Если человек уверяет, будто разглядел то, чего разглядеть было нельзя, — значит, он лжёт. А лжёт обыкновенно тот, кому есть что прятать.

Кто же обокрал часовую лавку господина Фоули? И почему слишком подробный рассказ свидетеля выдал его с головой?

Истина, как всегда, у вас перед глазами. Нужно лишь уметь её увидеть — даже сквозь самый густой туман Грей-порта.

Ответ к Загадке №2. Лживый сосед

Лавку часовщика обокрал не кто иной, как сам свидетель — господин Криспин, владелец соседней галантерейной лавочки. А «рябой верзила со шрамом», которого он так красочно живописал, никогда не существовал. Это был призрак, сотканный из лжи, чтобы увести погоню в туман — подальше от истинного вора.

Давайте проследим за рассуждениями инспектора Вэйна шаг за шагом, ибо в этом деле, как и в предыдущем, истина лежала на самой поверхности — нужно было лишь сопоставить слова свидетеля с законами природы.

— Вспомните, мой друг, — начал Вэйн, когда они с вами отошли в сторону от дрожащего галантерейщика, — наш первый урок, что преподавал нам велеречивый племянник госпожи Хартвуд. Лжец почти всегда говорит на одно слово больше, чем следует. Криспин же совершил ту же самую ошибку, только в десятикратном размере. Он не просто сказал лишнее — он расписал нам целый портрет, до последней оспинки.

Инспектор поднял палец, как делал всегда, подходя к сути.

— Рассудите сами. По его собственным словам, дело было вчера, около девяти часов вечера. Что есть девять часов вечера в Грейпорте в эту пору? Глухая темень. Прибавьте к

ней густой туман, который, как вы сами видели, глотает свет фонарей и размывает очертания домов в двух шагах от вас. Прибавьте единственный чахлый фонарь, висящий за добрых тридцать ярдов на углу, — я измерил это расстояние шагами, вы видели. И наконец, прибавьте, что наблюдал он якобы со второго этажа, из своего окна, то есть сверху и через всю улицу.

Вэйн покачал головой.

— А теперь спросите себя: что можно разглядеть в таких условиях? Тёмный силуэт. Смутную фигуру. Быть может, вы различили бы, мужчина это или женщина, да и то с натяжкой. Высокий рост, тёмный плащ, шляпу — пожалуй. Но рябое лицо? Оспины на коже? Форму носа — крючком он или прям? И, венец всего, шрам через всю левую щёку? Помилуйте! Это невозможно. Свет фонаря туда попросту не дотягивается. Лицо человека, стоящего внизу под окном, к тому же в надвинутой на лоб шляпе, видно сверху лишь как тёмное пятно в тени полей. Ни один человек на свете не разглядел бы таких подробностей. Стало быть, Криспин их не видел. Стало быть, он их выдумал.

Вы кивнули, ибо логика была безупречна. Но инспектор на этом не остановился.

— И вот здесь, — продолжал он, — мы должны спросить себя самое важное: зачем человеку выдумывать столь подробное описание несуществующего преступника? Честный свидетель, который и вправду что-то видел, говорит осто-

рожно: «Кажется, высокий... в тёмном... лица не разобрал, темно было». Так говорит правда — неуверенно, с оговорками, признавая пределы своего зрения. Лжец же поступает наоборот. Он громоздит подробность на подробность, желая, чтобы ему поверили. Чем ярче и красочнее портрет, рассуждает он, тем убедительнее. Но именно в этом избытке красок он и тонет. Криспин так старался нарисовать нам убедительного виновника, что нарисовал виновника невозможного — а значит, выдуманного.

Инспектор обернулся и бросил взгляд на разбитую витрину.

— Но даже если бы я на миг усомнился в своих рассуждениях о темноте и тумане, оставалась вторая улика — и она одна решает всё. Стекло. Осколки. Где они лежали?

— Снаружи, на мостовой, — ответили вы.

— Именно. Снаружи. А теперь подумайте о простом законе природы, который не лжёт никогда, в отличие от людей. Когда вы бьёте по стеклу с одной стороны, осколки летят в противоположную, в ту сторону, куда направлен удар. Если бы уличный грабитель швырнул булыжник в витрину снаружи, как нам расписывал Криспин, стекло осыпалось бы внутрь лавки, на бархатные подставки и на пол за окном. Но мы с вами видели обратное: осколки усеяли мостовую снаружи. А это значит лишь одно: стекло выбили изнутри. Удар наносили из самой лавки, наружу.

Вэйн сложил руки за спиной.

— Что же отсюда следует? Что никакого «вора с улицы» не было вовсе. Кто-то проник в лавку без всякого взлома — открыл её ключом или вошёл, имея доступ, — спокойно забрал выручку и дорогие часы, а уже потом, чтобы замести следы, изнутри высадил стекло булыжником и бросил камень так, чтобы всё выглядело грубым уличным ограблением. Преступник хотел, чтобы мы искали чужака, налётчика, ночного громилу. И на роль этого громилы он услужливо подсунул нам рябого верзилу со шрамом.

Теперь все нити сошлись в одной руке, и вы увидели это так же ясно, как инспектор.

— Кто же мог это сделать? — продолжал Вэйн. — Тот, кто имел доступ в лавку без взлома. Тот, кто хорошо знал распорядок часовщика — что хозяин в отъезде и вернётся лишь к вечеру, что выручка лежит в кассе, а лучшие часы — на витрине. Тот, кто был рядом, под боком, день за днём. И, главное, тот, кто сам, по собственной воле, явился к нам со свидетельством, которого никто не спрашивал, и принялся навязывать нам выдуманного виновника. Зачем невинному соседу высказывать вперёд с готовым портретом преступника? Только затем, чтобы направить нас по ложному следу и отвести подозрение от себя.

Инспектор кивнул в сторону галантерейной лавочки.

— Соседняя дверь, мой друг. Соседний человек. Господин Криспин. У него была возможность — стена к стене, общий доступ, быть может, и запасной ключ или смежный ход.

У него был мотив — мелкий лавочник, дела, видно, идут неважно, а у соседа в кассе дневная выручка да дорогие часы. И у него была та самая роковая привычка лжеца — говорить слишком много. Он не удержался и сам пришёл рассказывать о воре, которого выдумал от первого до последнего шрама.

Под спокойным, неумолимым взглядом инспектора господин Криспин сломался. Сперва он залепетал, что, может, обознался в темноте, потом — что плохо помнит, а когда Вэйн ровным голосом предложил ему объяснить, отчего же стекло лежит снаружи, а не внутри, галантерейщик и вовсе сник, и сознался. Часы и деньги нашлись в его собственной лавке, наспех припрятанные в коробке под прилавком с галантерейным товаром. Он залез к соседу через смежную кладовую, ключ от которой имел давно, забрал выручку и часы, разбил витрину изнутри для виду — а наутро, испугавшись, что подозрение падёт на ближайшего соседа, решил подстраховаться и сам сочинил приметного чужака, чтобы пустить полицию по ложному следу.

— Запомните и этот урок, мой друг, — сказал Вэйн на прощание, поднимая воротник плаща. — Лжец боится пустоты. Там, где честный свидетель скажет «не знаю, не разглядел», лжец спешит заполнить тишину подробностями. И чем больше этих подробностей, чем они ярче и красочнее, тем зорче должен стать ваш слух. Спросите себя всегда: а могли этот человек вообще видеть то, о чём говорит? Позволя-

ли ли это час, погода, расстояние, свет? Природа не лжёт — ни темнота, ни туман, ни осколки стекла. Лгут только люди. И выдают себя тем, что заставляют свидетеля видеть невидимое.

Туман над улицей Канатчиков по-прежнему стоял плотной стеной, но для вас в этом деле уже не осталось ни единого тёмного угла. Часовщик Фоули, вернувшись вечером, получил назад и выручку, и свои часы. А вы усвоили второй урок инспектора Вэйна: избыток подробностей в устах свидетеля — такая же улика, как след на земле. Слишком ясное зрение в слишком тёмную ночь выдаёт лжеца вернее всякого признания.

Загадка №3. Разбитое окно

Дождь шёл над Грейпортом уже третьи сутки кряду. Он барабанил по черепичным крышам, переполнял водосточные жёлоба и превращал садовые дорожки в раскисшие ручьи. В такую погоду честный человек сидит у очага, а нечестный, как заметил инспектор Вэйн, выходит на дело — ибо дождь смывает следы и заглушает шаги. Именно дождь и стал неожиданным союзником сыщика в новом расследовании.

— На сей раз нас зовут на холм, в добротный дом семейства Голсуорти, — сказал Вэйн, отряхивая мокрый плащ в передней полицейского управления. — Разбили окно в задней комнате, проникли в кабинет, опустошили денежный ящик. Хозяин в ярости и уже знает, кого винить. Но давайте, мой друг, посмотрим сами, прежде чем верить чужому гневу.

Дом Голсуорти стоял на пологом склоне, окружённый садом. К нему вела дорожка, размякшая от дождя до состояния густой каши. У дверей инспектора встретил сам хозяин — грузный краснолицый господин Голсуорти, кипящий негодованием, а за его спиной маячил перепуганный молодой человек в рабочей куртке, с кепкой в руках.

— Вот он, мерзавец! — прогремел хозяин, тыча пальцем в юношу. — Том, мой садовник! Больше никому! Знал, где я держу деньги, знал расположение комнат. Нынче утром я нашёл окно кабинета разбитым, ящик пустым — а этот мо-

лодчик как раз приходил чуть свет, якобы укрыть розы от дождя! Воля ваша, инспектор, а я его уже и констеблю сдать готов.

— Не торопитесь, — спокойно отозвался Вэйн. — Сперва осмотрим окно. Том, а ты пока помолчи, твой черёд наступит.

Они прошли к задней стене дома. Под окном кабинета открылась картина разгрома: стекло выбито, осколки поблёскивали и снаружи на земле, и внутри на полу — окно, очевидно, высадили снаружи и осколки разлетелись в обе стороны от удара. Рама была распахнута, в кабинете царил беспорядок, денежный ящик зиял пустотой.

Вэйн внимательно осмотрел землю под окном. Прямо у стены тянулась широкая клумба, раскисшая от трёхдневного дождя в жидкую грязь — мягкую, чёрную, податливую. Любой, кто подходил бы к окну, чтобы его разбить и влезть внутрь, неминуемо ступил бы прямо в эту грязь, под самой рамой.

Инспектор присел на корточки и долго разглядывал клумбу. Затем поднялся, отряхнул колени и обернулся к садовнику.

— Том, подойди-ка. Расскажи, как было дело нынче утром.

Юноша, заикаясь от страха, заговорил:

— Я... я пришёл, как всегда, на рассвете, господин инспектор. Розы укрыть, чтоб не побило дождём. Прошёл пря-

мо к розарию, это с другого края сада. Я к дому-то и близко не подходил, ей-богу! А как закончил, гляжу — хозяин на крыльце кричит, окно разбито... Я и кинулся смотреть, что стряслось. Богом клянусь, не брал я ничего!

— Покажи свои сапоги, — велел Вэйн.

Том приподнял ногу. Сапоги его были тяжёлые, рабочие, и сплошь облеплены свежей чёрной грязью — он и впрямь топтался всё утро по раскисшему саду.

Господин Голсуорти торжествующе фыркнул:

— Вот, полюбуйтесь! Весь в грязи по уши! Ясное дело — лез через клумбу!

Но инспектор Вэйн не разделил его торжества. Он вновь повернулся к клумбе под окном и поманил вас ближе.

— Взгляните внимательно, мой друг, — произнёс он негромко. — Взгляните на эту грязь под самым окном. Что вы видите? Точнее — чего вы не видите?

Вы пригляделись — и вас словно холодной водой окатило. Клумба под разбитым окном была гладкой. Ровной. Чёрная жидкая грязь, размякшая от трёх дней дождя, лежала нетронутая, без единого отпечатка. Ни следа сапога. Ни вмятины от колена. Ни отметины ладони. Никто здесь не проходил, никто не становился, никто не подтягивался к раме.

— А ведь земля здесь такая, — тихо продолжал Вэйн, — что отпечаталась бы и кошачья лапка, не то, что мужской сапог. Дождь льёт третьи сутки. Если бы вор подошёл к окну снаружи, разбил его, влез внутрь, выбрался обратно с день-

гами — он оставил бы на этой клумбе целую вереницу глубоких следов. Грязь сохранила бы каждый шаг, как мягкий воск хранит оттиск печати. Но клумба чиста. Девственно чиста. Стало быть, к этому окну снаружи не подходил никто.

Инспектор выпрямился и обвёл взглядом разбитое стекло, распахнутую раму, разорённый кабинет.

— И вот тут, мой друг, рассыпается вся история о ночном грабителе, влезшем в окно. Стекло выбито, рама открыта, ящик пуст — всё кричит о краже со взломом. Но грязь молчит. А грязь, в отличие от стекла и рамы, не умеет лгать и не умеет притворяться. Если под окном нет следов — значит, в окно никто не влезал. А раз снаружи никто не подходил, то окно разбили и кабинет разорили изнутри. Кто-то устроил видимость ограбления, не выходя из дома.

Господин Голсуорти побагровел и открыл было рот, но осёкся под спокойным взглядом инспектора.

— Скажите-ка, — мягко обратился к нему Вэйн, — а кто, кроме вас, был в доме нынче ночью и под утро? И кто знал, что денежный ящик полон, а садовник придёт чуть свет — самый удобный, готовый виновник?

Хозяин смешался, побагровел ещё пуще и забормотал что-то невнятное. А молодой Том стоял ни жив ни мёртв, всё ещё сжимая в руках мокрую кепку, и не понимал, отчего вдруг гроза, собравшаяся над его головой, начала поворачивать в другую сторону.

Инспектор же повернулся к вам и, по своему всегдашнему

обыкновенно, предоставил сделать вывод самостоятельно.

Итак, мой друг, перед вами третья загадка. Хозяин дома уверен, что его обокрал садовник, влезший через разбитое окно. И на первый взгляд всё сходится: окно выбито, ящик пуст, а сапоги Тома сплошь в грязи. Но земля под окном — мягкая, раскисшая от трёхдневного дождя клумба — осталась гладкой и нетронутой, без единого следа. На ней не отпечатался никто.

О чём говорит вам эта чистая грязь? Мог ли вор влезть в окно снаружи, не оставив на размякшей клумбе ни единого следа? А если не мог — то как же тогда было разбито окно и опустошён ящик? И почему сапоги садовника, перепачканные грязью всего сада, ровным счётом ничего не доказывают против него?

Вспомните слова инспектора Вэйна: физический мир хранит память о том, что в нём происходило. Дождь, грязь, следы — всё это свидетели, которые не умеют лгать. Если событие должно было оставить след, но следа нет, — значит, события не было. А коли ограбления снаружи не было, остаётся спросить себя: кому в этом доме было выгодно, чтобы все поверили, будто оно было?

Кто же на самом деле опустошил денежный ящик семейства Голсуорти? И почему гладкая, нетронутая грязь под окном изобличает истинного виновника вернее любого свидетеля?

Истина, как всегда, у вас перед глазами. Нужно лишь

уметь её увидеть — даже под проливным дождём Грейпорта.

Ответ к Загадке №3. Разбитое окно

Никакого ограбления снаружи не было. Денежный ящик опустошил сам хозяин дома — господин Голсуорти. Он разбил окно собственного кабинета изнутри, разорил его для виду и приготовился свалить вину на ни в чём не повинного садовника Тома, который так удачно подвернулся под руку, явившись на рассвете укрывать розы. А выдала всю эту нехитрую инсценировку гладкая, нетронутая грязь под окном — свидетель, который, в отличие от людей, лгать не умеет.

Давайте проследим за рассуждениями инспектора Вэйна шаг за шагом.

— Запомните, мой друг, главное правило этого ремесла, — начал инспектор, когда они с вами отошли от разгневанного хозяина. — Физический мир хранит память обо всём, что в нём происходит. Человек может лгать сколько угодно — у него есть язык, есть выгода, есть страх. Но земля, вода, грязь и пыль лгать не способны. Они лишь честно сохраняют отпечаток того, что было, и так же честно остаются пустыми там, где не было ничего. И вот сегодня грязь рассказала нам всё.

Вэйн указал на клумбу под окном.

— Рассудим, как должно было бы выглядеть это место, если бы рассказ хозяина был правдив. Некий вор приходит

ночью со стороны сада. Он подбирается к окну кабинета. Под окном — широкая клумба, раскисшая в чёрное месиво от трёх суток непрерывного дождя. Грязь эта столь мягка, что, как я уже говорил, отпечатала бы и кошачью лапку. Вор становится под рамой, заносит руку, бьёт по стеклу. Затем подтягивается, влезает внутрь — для чего ему опять-таки нужно опереться, наступить, навалиться. Потом, обобрав ящик, он тем же путём выбирается обратно. Сколько следов он оставил бы на этой клумбе? Десятки. Глубокие, чёткие отпечатки сапог, вмятины от коленей, быть может, отпечаток ладони там, где он опёрся, перелезая. Грязь сохранила бы каждое движение, как воск хранит оттиск печати.

Инспектор сделал паузу.

— А что мы видим на деле? Гладкую, ровную, девственно чистую грязь. Ни единого следа. Ни сапога, ни колена, ни ладони. Под окном, через которое якобы лез грабитель, не ступала ничья нога. И этот простой факт обрушивает всю историю об ограблении со стороны сада. Ибо невозможно влезть в окно снаружи по жидкой грязи, не оставив следов, — это противоречит самой природе вещей. А когда вы отбросили невозможное, мой друг, то, что остаётся, и есть правда: снаружи к окну не подходил никто. Стало быть, окно разбили и кабинет разорили изнутри.

Вы кивнули, но один вопрос всё ещё не давал вам покоя: а как же осколки? Ведь они лежали и снаружи, и внутри. Инспектор предугадал ваше сомнение.

— Вы помните дело часовщика, — сказал он с лёгкой улыбкой. — Там осколки выдали лжеца тем, что лежали не на той стороне. Здесь же преступник оказался хитрее или, скажем так, осторожнее. Он, видно, наслышан, что стекло при ударе сыплется в сторону удара, и потому постарался, чтобы осколки оказались по обе стороны рамы — и снаружи, и внутри. Возможно, он сперва выбил стекло наружу, а потом нарочно подбросил часть осколков на землю под окном, чтобы картина выглядела убедительнее. Сами по себе осколки в этом деле нас бы запутали. Но грязь, мой друг, грязь свела на нет всю его предусмотрительность. Можно разбросать стекло как угодно — но нельзя влезть в окно, не наступив в раскисшую клумбу. Об этом он не подумал.

Вэйн повернулся и бросил взгляд на сапоги садовника.

— Теперь о бедняге Томе. Хозяин торжествующе тыкал нам в глаза его грязными сапогами: вот, мол, доказательство! Но рассудите здраво — что доказывают эти сапоги? Ровным счётом ничего. Том — садовник. Он пришёл на рассвете и, по его собственным словам, шёл к розарию на другом краю сада, топтался там в мокрой земле, укрывая розы от дождя. Разумеется, его сапоги в грязи! Они были бы в грязи в любом случае, виновен он или нет, — ибо вся его работа проходит в этой самой грязи. Грязные сапоги садовника после дождя — такая же естественная вещь, как мокрый плащ у того, кто шёл под ливнем. Это не улика вовсе. Уликой был бы след под окном — но как раз там, под окном, грязь чиста, а на са-

погах Тома нет ничего, что связывало бы его именно с этим местом. Хозяин принял общую грязь сада за грязь преступления. Это подмена, на которую он, быть может, искренне рассчитывал, а быть может, и сам поверил в неё со злости.

Инспектор сложил руки за спиной.

— Итак, мы установили: ограбление было разыграно изнутри дома. Кто же мог его разыграть? Тот, кто был в доме ночью и под утро. Тот, кто имел свободный доступ в кабинет. Тот, кто знал, что в денежном ящике лежат деньги. И — что особенно важно — тот, кому было выгодно, чтобы все поверили в ограбление, и кто заранее имел под рукой удобного виновника. Господин Голсуорти подходит по всем статьям. Это его дом, его кабинет, его ящик. Он первым закричал об ограблении, он первым, ещё до всякого расследования, назвал виновного и был готов сей же час сдать парня констеблю — слишком уж он торопился закрыть дело, не дав нам осмотреться. А появление садовника на рассвете стало для него подарком судьбы: вот готовый козёл отпущения, человек, который «знал, где деньги, и знал расположение комнат».

— Но зачем, — спросите вы, — человеку обкрадывать самого себя?

— О, причин тому может быть немало, — ответил Вэйн. — И все они откроются, когда мы как следует прижмём господина Голсуорти. Чаще всего за такими инсценировками стоят деньги, которых на деле уже нет: проигранные, растра-

ченные, тайно кому-то отданные. Человек залез в собственную казну или в чужую, ему доверенную, спустил всё подчиняющую — а теперь, чтобы скрыть недостачу и объяснить, куда делись средства, разыгрывает ограбление. «Меня обокрали!» — кричит он, и недостача волшебным образом превращается из его вины в чужое преступление. Быть может, он задолжал, быть может, присвоил доверенные ему деньги, а может, желал получить страховое возмещение. Это мы ещё выясним. Но механизм всегда один: фальшивое ограбление прячет настоящую растрату.

Под спокойным и неумолимым взглядом инспектора господин Голсуорти долго петушился, багровел и грозил жалобами начальству, но стоило Вэйну ровным голосом предложить ему объяснить, отчего же грязь под окном чиста, как под только что выпавшим снегом, — хозяин сбился, побледнел и умолк. А когда инспектор спокойно прибавил, что не составит труда проверить его денежные дела и расспросить, не было ли у господина Голсуорти недавних крупных потерь, тот окончательно сник. Деньги, разумеется, никуда из дома не пропадали — они нашлись припрятанными в самом же кабинете, в потайном отделении того же стола. Хозяин, как и предполагал Вэйн, запутался в долгах и решил разыграть ограбление, чтобы объяснить жене и кредиторам исчезновение крупной суммы, которую на деле давно проиграл. А ни в чём не повинного Тома он без зазрения совести готов был отправить за решётку.

— Запомните и этот урок, мой друг, — сказал Вэйн, когда дрожащего хозяина увели, а сияющий Том рассыпался в благодарностях. — Когда вам показывают картину преступления, не спешите смотреть на то, что в ней есть. Посмотрите на то, чего в ней нет. Спросите себя: если бы всё было так, как мне рассказывают, — какие следы это должно было бы оставить? А затем поищите эти следы. Если событие должно было оставить отметину, но отметины нет, — значит, события не было, как бы убедительно ни выглядело всё прочее. Отсутствие следа — это тоже след, и порой самый красноречивый из всех.

Дождь над холмом всё не унимался, барабаня по крыше дома Голсуорти. Но для вас в этом деле прояснилось всё до последней капли. Вы усвоили третий урок инспектора Вэйна: ищите не только то, что есть на месте преступления, но и то, чего там быть не должно — или, напротив, что непременно должно было быть, да отчего-то отсутствует. Гладкая грязь там, где полагались бы следы; чистый пол там, где должна быть пыль; сухой плащ там, где лил дождь, — вот безмолвные свидетели, что изобличают самого хитрого лжеца вернее любого признания.

Загадка №4. Чужой зонт

Грейпорт встретил то утро коротким, но яростным ливнем. Тучи налетели с моря на рассвете, обрушили на город стену воды, а к девяти часам уже унеслись прочь, оставив после себя умытые мостовые, блестящие лужи и то особое ощущение свежести, что бывает лишь после внезапного дождя. К десяти небо расчистилось, выглянуло бледное солнце — и именно в этот час инспектора Вэйна, а с ним и вас, мой друг, вызвали в почтенное заведение «Серебряный чайник» — чайную залу на Рыночной площади, где городская публика любила скоротать утро за чашкой чая и свежей газетой.

— Дело, на первый взгляд, пустячное, — говорил Вэйн, шагая по мокрой брусчатке. — Кража. Но кража особого рода. У одного из посетителей пропала из кармана пальто дорогая золотая табакерка, пока он сидел за столиком. А вместе с тем в зале остался чужой зонт — забытый, по всей видимости, вором. Хозяйка чайной заперла двери и никого не выпустила до нашего прихода. Похвальная сообразительность.

В «Серебряном чайнике» их встретила сама хозяйка, госпожа Тислвуд, дама строгая и распорядительная. В зале за столиками сидели четверо задержанных посетителей, нервно поглядывая друг на друга. На отдельном стуле у входа лежало вещественное доказательство — добротный мужской зонт тёмно-зелёного шёлка с резной костяной ручкой.

— Вот, господин инспектор, — указала хозяйка на зонт. — Этот зонт остался стоять в стойке у двери. Все свои зонты разобрали, расходясь, а этот — ничейный. Стало быть, его обронил тот, кто впопыхах удирает с табакеткой, да позабыл в спешке. Я как глянула — сразу смекнула: чей зонт, тот и вор!

Обокраденным оказался дородный господин Пенроуз, который никак не мог успокоиться и всё хлопал себя по пустому карману.

— Золотая табакерка, фамильная! — стонал он. — Сидел я вон за тем столиком у окна, пил чай, читал газету. Пальто повесил на спинку соседнего стула. А как собрался уходить — хватъ, а табакерки-то и нет! Кто-то вытащил, пока я зачитался.

Вэйн оглядел четверых задержанных. То были: худошавый клерк в очках; пожилая дама в шляпке с вуалью; молодой моряк с обветренным лицом; и сухопарый господин в сером сюртуке, что держался особняком и нервно курил у окна.

— Прежде чем мы станем искать хозяина зонта, — спокойно произнёс инспектор, — позвольте задать всем один вопрос. В котором часу каждый из вас пришёл в эту чайную нынче утром?

Ответы записывались в блокнот. Клерк пришёл в восемь, ещё до дождя. Пожилая дама — в половине девятого, в самый ливень, и, по её словам, насквозь промокла, пока до-

бралась от кареты до дверей. Моряк явился около девяти, тоже под дождём. А сухопарый господин в сером сюртуке, чуть помедлив, сказал, что пришёл «совсем недавно, минут двадцать назад» — то есть около десяти, уже после того, как ливень кончился и выглянуло солнце.

Вэйн неторопливо подошёл к зонту, лежавшему на стуле, и внимательно его осмотрел. Затем коснулся ткани ладонью, провёл пальцами по шёлку, по спицам, по сложенным складкам. После чего выпрямился и обернулся к вам с тем самым спокойным блеском в глазах, который вы уже научились узнавать.

— Любопытно, — промолвил он негромко. — Госпожа Тислвуд уверена, что хозяин этого зонта и есть наш вор. Логика её проста: зонт чужой, забытый, брошенный в спешке. Что ж, давайте примем эту мысль и посмотрим, куда она нас приведёт. Если зонт обронил вор, удиравший с табакеркой, то вор этот — человек, который сегодня утром приходил в чайную с зонтом. А с зонтом приходит лишь тот, кто вышел из дому в дождь или ожидал дождя.

Инспектор снова коснулся зелёного шёлка.

— А теперь, мой друг, потрогайте этот зонт сами. Что вы чувствуете?

Вы протянули руку и провели ладонью по ткани. Зонт был совершенно сухим. Сухим насквозь — и снаружи, и в складках, и у самого острия, где обыкновенно дольше всего держится влага. Ни капли, ни следа сырости, будто его и не рас-

крывали нынешним дождливым утром вовсе.

— Сухой, — тихо сказали вы.

— Сухой, — кивнул Вэйн. — Сухой, как сено в погожий день. А теперь подумаем вместе. Ливень нынче шёл с расцвета и до десяти часов — мощный, проливной. Всякий, кто шёл по улице в эти часы, либо вымок до нитки, либо раскрывал зонт. А раскрытый под таким ливнем зонт неминуемо промокает — шёлк темнеет от воды, в складках собирается влага, с острия капает. Высохнуть же за то короткое время, что зонт простоял в стойке, он никак бы не успел — особенно в складках, особенно у наконечника. Стало быть, этот зонт сегодня под дождём не раскрывали. А коли его не раскрывали в дождь — значит, его хозяин либо вовсе не выходил с ним под ливень, либо пришёл в чайную уже после того, как дождь кончился, неся зонт сухим, просто по привычке или на всякий случай.

Вэйн обвёл взглядом четверых задержанных.

— И вот тут, мой друг, рассыпается простая версия госпожи Тислвуд. Она полагает, что зонт обронил вор. Но если так, то вор — обладатель сухого зонта, то есть человек, пришедший после дождя, около десяти часов. А кто же из наших гостей пришёл последним, уже по солнцу, когда ливень утих?

Вы перевели взгляд на сухопарого господина в сером сюртуке, что нервно курил у окна, — того самого, кто явился «минут двадцать назад». Под этим взглядом он заметно

вздрагнул и отвёл глаза.

— Однако не будем спешить, — мягко осадил вас инспектор. — Сухой зонт говорит нам, что его хозяин пришёл после дождя. Но сам по себе он ещё не уличает в краже. Мало ли кто мог забыть зонт. Здесь важно иное: соответствует ли это тому, что нам рассказали? Господин Пенроуз сидел и читал газету, погружённый в чтение, — самый удобный миг, чтобы запустить руку в карман его пальто, висевшего на соседнем стуле. А кто сел поближе к нему? Кто пришёл последним и потому имел свежий, неостывший повод подсесть к уже сидящему господину? И, главное, чей зонт оказался сухим именно потому, что его владелец явился, когда дождь уже прошёл, — и оттого этот зонт так разительно отличался от мокрых зонтов всех прочих?

Инспектор повернулся к вам и, по своему всегдашнему обыкновению, замолчал, предоставив сделать вывод самостоятельно.

Итак, мой друг, перед вами четвёртая загадка. Хозяйка чайной уверена, что вор — это тот, кто забыл зонт. Но забытый зонт сухой, тогда как утро было дождливым, и всякий, кто шёл под ливнем, неминуемо вымочил бы свой зонт насквозь. Сухой зонт мог принадлежать лишь тому, кто пришёл в чайную уже после дождя, около десяти часов.

О чём говорит вам этот сухой зонт в дождливое утро? Кто из четверых посетителей пришёл последним, когда ливень уже кончился? И почему именно сухость зонга, а не сам факт

того, что он забыт, указывает на истинного вора?

Вспомните уроки прежних дел: погода, влага, сырость — такие же свидетели, как следы на грязи. Дождь не лжёт. Мокрый зонт говорит одно, сухой — совсем другое. Сопоставьте время прихода каждого гостя с тем, что рассказала вам ткань зонта, — и круг сомкнётся вокруг единственного человека.

Кто же похитил золотую табакерку господина Пенроуза? И отчего сухой шёлк зонта выдал его вернее любого признания?

Истина, как всегда, у вас перед глазами. Нужно лишь уметь её увидеть — даже сквозь летящие капли грейпортского ливня.

Ответ к Загадке №4. Чужой зонт

Золотую табакерку господина Пенроуза похитил сухопарый господин в сером сюртуке — тот самый, что нервно курил у окна и явился в чайную последним, когда ливень уже отшумел. А выдал его, как ни странно, не сам факт забытого зонтика, а одно-единственное свойство этого зонтика: его сухость в насквозь промокшее, дождливое утро. Хозяйка чайной была права в малом и ошиблась в большом — она верно догадалась, что зонт укажет на вора, но неверно поняла, как именно он это делает.

Давайте проследим за рассуждениями инспектора Вэйна шаг за шагом, ибо это дело — прекрасный образец того, как одна-единственная физическая мелочь способна перевернуть всю простую и удобную версию с ног на голову.

— Начнём с того, мой друг, — говорил Вэйн вполголоса, отведя вас в сторону от задержанных, — что предложила нам почтенная госпожа Тислвуд. Логика её проста и на первый взгляд безупречна: вор удирал в спешке, забыл свой зонт, стало быть, чей зонт — тот и вор. Прекрасно. Примем эту мысль и пойдём за ней до конца, как мы всегда делаем. Если зонт обронил наш похититель, значит, похититель — это человек, который сегодня утром пришёл в чайную с зонтом в руках. А с зонтом, согласитесь, выходят из дому лишь тогда, когда идёт дождь или когда дождя ждут. Зонт — спут-

ник дождливого утра. Запомним это.

Инспектор поднял палец.

— А теперь — самое главное. Вы трогали этот зонт своей собственной рукой. Каков он был на ощупь?

— Совершенно сухой, — ответили вы.

— Сухой, — кивнул Вэйн. — Сухой насквозь — и снаружи, и в складках, и, что важнее всего, у самого острия, где влага держится дольше всего и сходит последней. Ни капли, ни малейшей сырости. А теперь рассудите вместе со мной, что это значит. Ливень нынче бушевал с самого рассвета и почти до десяти часов — мощный, проливной, такой, что хозяйка и сама признала: всякий входящий вваливался к ней мокрым. Что произошло бы с зонтом, который раскрыли под таким ливнем? Шёлк потемнел бы от воды, набух, в складках собралась бы влага, с наконечника капало бы ещё долго после того, как его сложили. Мокрый зонт, поставленный в стойку, сохнет не четверть часа и не полчаса — особенно в плотно сложенных складках и у острия. А этот зонт сух, как сено в погожий полдень. Вывод неумолим: нынешним дождливым утром этот зонт под дождём не раскрывали.

Вэйн обвёл взглядом зал.

— Что же отсюда следует? Только одно: его хозяин не шёл под ливнем. А коли так, он либо вовсе не выходил из дому в дождливые часы, либо — и это куда вероятнее — явился в чайную уже после того, как ливень кончился, около десяти, когда выглянуло солнце. Он нёс зонт сухим, сложенным,

просто по привычке или на всякий случай, как иные носят трость. И этот сухой зонт мгновенно выделяет своего владельца из всех прочих, чьи зонты нынче неминуемо вымокли.

Тут инспектор сделал паузу, и вы почувствовали, как рассыпается простая версия хозяйки.

— И здесь, мой друг, рушится вся стройная догадка госпожи Тислвуд. Ибо если бы зонт обронил вор, который удирал в панике, то это был бы мокрый зонт — зонт человека, пришедшего в дождь, как пришли почти все наши гости. А перед нами зонт сухой. Стало быть, его хозяин — не из тех, кто мок под ливнем поутру. Он — тот единственный, кто пришёл позже всех, по солнцу. Зонт указывает на вора не тем, что забыт, а тем, что сух.

Вэйн перебрал в памяти показания, и вы вместе с ним выстроили простую временную линию.

— Припомним, кто и когда явился. Клерк пришёл в восемь утра — ещё до дождя, посуху, и зонт ему был без надобности. Пожилая дама — в половине девятого, в самый ливень, и сама пожаловалась, что вымокла, пока добиралась от кареты; будь у неё зонт, он промок бы насквозь. Моряк подоспел около девяти, тоже под дождём, — и его зонт, будь он у него, был бы мокёхонек. И лишь один человек, сухопарый господин в сером сюртуке, пришёл, по его собственному признанию, «минут двадцать назад» — то есть около десяти, когда ливень уже утих и засияло солнце. Только он один мог

принести с собою зонт, оставшийся сухим. Этот сухой зонт — его, и ничей более.

Инспектор сложил руки за спиной.

— Теперь сопоставим это с самой кражей. Господин Пенроуз сидел у окна, с головою уйдя в газету, а пальто с драгоценной табакеркой в кармане висело на спинке соседнего стула — прямо под боком у всякого, кто пожелал бы подсесть рядом. Самый удобный миг для ловкой руки — когда жертва зачиталась и ничего вокруг не замечает. И вот является наш господин в сером, последним, когда прочие уже расселись и пригрелись. Ему естественно было подсесть к свободному месту — а свободное место как раз и оказалось подле увлечённого газетой Пенроуза. Он опустил рядом, под прикрытием шороха страниц и общего гомона запустил руку в карман висящего пальто, извлёк табакерку — и тем бы всё и кончилось гладко, не оставь он впопыхах, в нервозности, свой сухой зонт у стойки. А может, и не впопыхах: быть может, он надеялся, что зонт сочтут ничейным и забытым кем-то из прежних посетителей. Он не учёл лишь одного — что зонт расскажет о времени его прихода вернее любых часов.

Вы кивнули, но один вопрос ещё свербил: а нельзя ли было заподозрить кого-то из мокрых гостей, ведь и они находились в зале? Инспектор предугадал сомнение.

— Разумеется, само по себе наличие сухого зонта ещё не вешает на человека ярлык вора, — заметил Вэйн. — Мало ли, отчего зонт мог остаться сух. Но вспомните: зонт-то

был забыт. Брошен. Оставлен. И при этом он сух, тогда как все вокруг мокли поутру. Если предположить, как и хозяйка, что забытый зонт принадлежит вору, — а это разумное предположение, ибо все свои зонты разобрали, расходясь, и лишь этот остался ничьим, — то вор непременно окажется обладателем сухого зонта, сиречь человеком, пришедшим после дождя. А таковой среди наших гостей ровно один. Заметьте к тому же его поведение: он держался особняком, нервно курил, отвёл глаза под нашим взглядом, замешкался, называя время своего прихода. Виновного выдаёт не только улика, но и беспокойство, с каким он за нею следит.

Под спокойным, неотступным взглядом инспектора сухопарый господин в сером сюртуке сломался быстро. Сперва он залепетал, что зонт, верно, и впрямь чей-то чужой, что он-де вошёл налегке; но стоило Вэйну ровным голосом предложить ему раскрыть зонт и показать всем сухие, нетронутые дождём складки, а затем объяснить, отчего же зонт человека, якобы шедшего в дождь, остался сух, как песок в погожий день, — щёголь побледнел, сбился и сознался. Золотая табакерка отыскалась тут же, в потайном кармашке его сюртука, куда он успел её сунуть. Оказалось, это был мелкий ловкач, промышлявший по чайным и трактирам, высматривавший зазевавшихся господ с тугими карманами; нынче он, по обыкновению своему, зашёл «на промысел» уже после дождя — оттого и зонт его, который он таскал с собою больше для виду солидного господина, нежели от непогоды, остался

предательски сухим.

Господин Пенроуз получил назад семейную табакерку и долго не мог поверить, что вора изобличила столь ничтожная мелочь, как сухая ткань зонта. А госпожа Тислвуд, и без того гордая своей сообразительностью, преисполнилась ещё большего довольства собою — ведь её догадка про зонт, пусть и понятая шиворот-навыворот, в конце концов вывела-таки на преступника.

— Запомните и этот урок, мой друг, — сказал Вэйн на прощание, выходя под умытое солнце на Рыночную площадь. — Госпожа Тислвуд рассуждала, верно, лишь наполовину. Она правильно ухватилась за зонт, но приняла во внимание лишь то, что он забыт. А подлинная улика крылась не в том, что зонт оставлен, а в том, каков он был. Влага — вот что рассказало нам всю правду. Дождь нынче был общим уделом: всякий, кто шёл под ним, промок, и зонт всякого промок вместе с ним. И в этом общем море сырости сухой зонт сделался белой вороной, меткой, печатью. Он кричал о том, что хозяин его не делил с прочими дождливого утра, что явился он позже, когда тучи ушли.

Инспектор приостановился.

— Учитесь читать не только присутствие вещи, но и её состояние. Зонт есть у многих — но сухой зонт в дождь есть лишь у того, кто пришёл, когда дождь уже кончился. Плащ носят все — но сухой плащ в ливень выдаёт того, кто лжёт, будто шёл по улице. Сапоги бывают грязны у каждого садов-

ника — но чистые сапоги у того, кто клянётся, что брёл через раскисший двор, изобличают его вернее признания. Вещь сама по себе нема. Заговаривает она лишь тогда, когда вы спросите её: соответствует ли твой вид той погоде, тому часу, той истории, что мне рассказывают? Влага, сухость, тепло, пыль — вот безмолвные стрелки, что всегда указывают на время и на правду. Дождь не лжёт, мой друг. Лгут только люди. А мокрый или сухой шёлк зонта честно говорит, кто и когда вышел под небо Грейпорта.

Так вы усвоили четвёртый урок инспектора Вэйна: смотрите не только на то, что за вещь перед вами, но и в каком она состоянии — мокрая или сухая, тёплая или остывшая, свежая или запылённая. Ибо состояние предмета хранит память о времени и погоде столь же верно, как след на грязи хранит память о прошедшем. И часто именно эта незаметная мелочь — сухой шёлк там, где всё кругом промокло, — изобличает вора надёжнее всякого свидетеля и всякого признания.

Загадка №5. Следы на ковре

Ночь выдалась морозной и ясной — редкость для Грей-порта, где туман правил безраздельно. С вечера повалил снег, укрыл город белой периной, а к ночи подморозило, и снежный покров лёг плотно и ровно по всем дорожкам и крышам. В такую-то ночь и случилось дело, что привело инспектора Вэйна, а с ним и вас, мой друг, в богатый особняк семейства Эшфорд на вершине холма.

— Любопытная история, — говорил Вэйн, поднимаясь по заснеженной дороге, под подошвами которой похрустывал свежий снег. — Из запертого кабинета старого господина Эшфорда ночью пропала шкатулка с золотыми сокровищами, что хранилась в незапертом бюро. Хозяин клянётся, что слышал ночью шаги в кабинете, спустился, но никого не застал — лишь распахнутое окно да пустое бюро. Уверяет, что вор влез снаружи, через окно, по снегу. Послушаем и посмотрим.

В кабинете их встретил сам господин Эшфорд — сухой, желчный старик в халате, опирающийся на трость. Кабинет располагался на первом этаже. Одно из окон было распахнуто настежь, и от него по полу тянуло холодом. Бюро у стены стояло открытым, ящичек, где, по словам хозяина, лежала шкатулка, был выдвинут и пуст.

— Вор пришёл снаружи! — сварливо твердил старик. —

Влез в окно, схватил золото и был таков! Это кто-то с улицы, бродяга, чужак! В доме все свои, все вне подозрений!

Вэйн подошёл к раскрытому окну и выглянул наружу. Вы встали рядом. Под окном, снаружи, тянулась широкая полоса свежего, нетронутого снега — ровная, чистая, без единого отпечатка. Снег лежал гладким покрывалом до самой садовой ограды, и нигде — ни у стены, ни вдоль дорожки — не было видно ни единого следа: ни сапога, ни ботинка, ни даже птичьей лапки.

— Снег перестал идти около полуночи, — заметил инспектор, поглядев на небо. — Стало быть, всё, что ступало по земле после полуночи, отпечаталось бы на нём ясно и чётко. А под окном — целина.

Затем Вэйн неторопливо обернулся и оглядел сам кабинет. Пол был застлан мягким светлым ковром с густым ворсом. И вот по этому коврику — от двери кабинета к бюро и обратно к окну — тянулась цепочка влажных, грязноватых отпечатков. Следы подтаявшего снега вперемешку с уличной грязью. Они шли изнутри комнаты, от двери, вели к бюро, затем сворачивали к окну — и обрывались у подоконника.

Инспектор присел на корточки и внимательно рассмотрел отпечатки. Затем поднялся и поманил вас ближе.

— Взгляните, мой друг, — произнёс он негромко. — И задумайтесь над тем, что говорит нам этот ковёр и что говорит нам снег под окном. Хозяин уверяет, будто вор влез снаружи через окно. Но снаружи, под окном, снег девствен-

но чист — ни единого следа. Скажите на милость, как мог человек подойти к окну по свежему снегу, влезть внутрь и вылезти обратно, не оставив на этом снегу ровным счётом никакого отпечатка? Это так же невозможно, как пройти по жидкой грязи, не примяв её. Снег после полуночи хранил бы каждый шаг. А он пуст. Стало быть, через окно снаружи не приходил никто.

Вэйн указал тростью на ковёр.

— Теперь же обратимся к следам внутри. Влажные, грязные отпечатки на ковре. Откуда взялась на них талая вода и грязь? От снега, налипшего на обувь, который начал таять в тепле комнаты. Но заметьте направление: следы идут от двери к бюро, а затем к окну. От двери! Не от окна вглубь комнаты, как было бы, влезь вор снаружи, — а наоборот, от двери внутрь дома к окну. Стало быть, тот, кто оставил эти следы, вошёл в кабинет не через окно, а через дверь — из глубины самого дома. Подошёл к бюро, забрал шкатулку, затем направился к окну и распахнул его настежь — чтобы создать видимость, будто вор бежал этим путём.

Инспектор выпрямился.

— И ещё одно. На обуви этого человека был налипший снег с грязью — иначе откуда бы взялся мокрым отпечаткам? Но коли он не приходил с улицы через окно — а снег под окном это доказывает, — то, где же он успел набрать на подошвы снега? Вывод напрашивается сам: он выходил на улицу через другую дверь, прошёлся по двору — быть

может, чтобы обойти дом, — а затем вернулся в дом обычным путём и вошёл в кабинет через дверь, неся на подошвах уличный снег. Снаружи-то, у других дверей и дорожек, следы наверняка есть. А вот под окном кабинета их нет вовсе. Окно отворили изнутри для отвода глаз.

Господин Эшфорд заметно занервничал, застучал тростью и пробурчал, что, мол, мало ли откуда взялись эти пятна на ковре. А инспектор Вэйн, по своему всегдашнему обыкновению, обернулся к вам и предоставил сделать вывод самостоятельно.

Итак, мой друг, перед вами пятая загадка. Хозяин уверяет, что вор влез снаружи через окно. Но снег под окном чист и нетронут — ни единого следа, хотя после полуночи всякий шаг отпечатался бы на нём ясно. А внутри, на ковре, тянется цепочка влажных, грязных отпечатков, идущих от двери кабинета к бюро и затем к окну.

О чём говорит вам чистый снег под окном? Мог ли вор войти и выйти через окно, не оставив на свежем снегу ни единого следа? А коли не мог — то откуда же взялся вор? И о чём говорит направление следов на ковре — от двери внутрь, а не от окна вглубь? И, наконец, откуда на подошвах этого человека талый снег с грязью, если через окно он не входил?

Вспомните уроки прежних дел: снег и грязь — свидетели, что не умеют лгать. Если событие должно было оставить след, но следа нет, — значит, события не было. А если следы

есть, но ведут они совсем не туда, куда указывает рассказчик, — стало быть, рассказчик лжёт.

Кто же похитил золото из бюро господина Эшфорда? И почему чистый снег под окном вкупе со следами на ковре изобличает истинного виновника вернее любого свидетеля?

Истина, как всегда, у вас перед глазами. Нужно лишь уметь её увидеть — даже на белом снегу морозной грейпортской ночи.

Ответ к Загадке №5. Следы на ковре

Золото из бюро похитил сам господин Эшфорд — желчный старик, который так горячо уверял всех, будто вор влез снаружи через окно. Никакого чужака с улицы не было и в помине. Хозяин разыграл ограбление собственными руками, а распахнутое окно отворил изнутри для отвода глаз. Изобличили же его два немых, но неподкупных свидетеля: девственно чистый снег под окном и цепочка влажных следов на ковре, что вели совсем не туда, куда указывал рассказчик.

Давайте проследим за рассуждениями инспектора Вэйна шаг за шагом, ибо это дело соединило в себе все уроки прежних расследований — и отсутствие следа там, где он быть обязан, и направление следа, выдающее истинный путь преступника.

— Начнём со снега, мой друг, — говорил Вэйн вполголоса, отойдя от стучащего тростью старика. — Снег этой ночью — наш главный свидетель, и свидетель безупречный. Он перестал идти около полуночи, лёг ровным, плотным покрывалом и подморозил. Стало быть, всё, что ступало бы по нему после полуночи, отпечаталось бы ясно и чётко — снег хранит след вернее воска, вернее жидкой грязи. А теперь вспомните, что мы увидели под окном.

— Чистую целину, — ответили вы. — Ни единого следа.
— Именно. Ровную, нетронутую гладь до самой садовой

ограды. Ни сапога, ни ботинка, ни даже птичьей лапки. А теперь рассудите: хозяин уверяет, будто вор подошёл к окну снаружи, разбил тишину, влез внутрь, обобрал бюро и вылез обратно. Сколько следов оставил бы такой вор на свежем снегу? Целую дорожку — туда и обратно, глубокие отпечатки у самой стены, где он становился, подтягиваясь к подоконнику. Но снег под окном пуст. Девственно пуст. А это, как мы уже знаем по делу садовника Тома, означает лишь одно: через это окно снаружи не входил никто. Невозможно пройти по свежему снегу, не оставив следа, — это противоречит самой природе вещей. Отбросьте невозможное, и останется правда: вор не приходил с улицы.

Вэйн поднял палец.

— Но, если бы я даже усомнился в снеге, оставался второй свидетель — ковёр. И он не просто опроверг хозяина, он указал прямо на виновного. Вспомните следы на ковре. Влажные, грязные отпечатки подтаявшего снега. Откуда взялась на них талая вода? От снега, налипшего на обувь и растаявшего в тепле комнаты. Стало быть, тот, кто их оставил, входил с обувью, на которой был уличный снег. Это первое. А теперь — самое важное: куда вели эти следы?

— От двери к бюро, а затем к окну, — припомнили вы.

— От двери! — кивнул инспектор. — Вот в этом весь узел. Будь рассказ хозяина правдив, влезь вор снаружи, следы начинались бы у окна и вели бы вглубь комнаты — от подоконника к бюро. Так двигался бы человек, проникший че-

рез окно. Но мы видим обратное: следы идут от двери внутрь дома, к бюро, и лишь потом сворачивают к окну. Это путь человека, который вошёл в кабинет не снаружи, а изнутри дома — через дверь. Подошёл к бюро, забрал шкатулку, а затем направился к окну и распахнул его настежь — чтобы создать видимость бегства через окно. Направление следов выдаёт истинный порядок событий: сперва дверь, потом бюро, потом окно. Вор не влезал в окно — он его открывал, уходя.

Вы кивнули, но один вопрос ещё свербил: откуда же на подошвах этого человека взялся уличный снег, если через окно он не входил? Инспектор предугадал сомнение.

— Превосходный вопрос, и в нём кроется последнее звено, — сказал Вэйн. — На обуви был налипший снег с грязью — иначе откуда мокрые отпечатки? Но снег под окном чист, значит, через окно он снега не набирал. Где же тогда? Ответ прост: он выходил на улицу другим путём — через обычную дверь дома — и прошёлся по двору. Быть может, обходил дом, быть может, относил шкатулку в укромное место, чтобы потом «найти» её или сослаться на пропажу. А вернувшись, вошёл в кабинет через дверь, неся на подошвах уличный снег. Заметьте: я не сомневаюсь, что у крыльца и у садовой калитки следы найдутся — следы хозяина, выходившего и входившего. А вот под окном кабинета их нет. И это противоречие — следы повсюду, кроме того, единственного места, где они должны были бы быть по рассказу хозяина, —

изобличает инсценировку с головой.

Инспектор сложил руки за спиной.

— Теперь сведём всё воедино. Снаружи через окно не входил никто — это доказывает чистый снег. Внутри кто-то прошёл от двери к бюро и к окну, неся уличный снег на подошвах, — это доказывает ковёр. Окно отворено изнутри для виду. Кто же мог это сделать? Тот, кто свободно вошёл в кабинет через дверь среди ночи, не вызвав ничьих подозрений. Тот, кто знал, что в бюро лежит шкатулка с золотом. Тот, кто выходил во двор и вернулся. И, наконец, тот, кто первым закричал о воре с улицы и упорнее всех настаивал, что «в доме все свои, все вне подозрений». Кому же ещё, как не самому хозяину дома, господину Эшфорду? Это его кабинет, его бюро, его золото — и его след на ковре. Он сам поднял тревогу, сам сочинил уличного грабителя и сам распахнул окно. Вспомните дело Голсуорти: тот, кто слишком громко кричит об ограблении и слишком торопится указать на чужака, чаще всего и есть виновник.

Под спокойным, неумолимым взглядом инспектора старик сперва петушился и стучал тростью, твердя про «мало ли откуда пятна». Но стоило Вэйну ровным голосом предложить ему объяснить, отчего же снег под окном чист, как скатерть, тогда как вор якобы влез именно там, и отчего следы на ковре ведут от двери, а не от окна, — господин Эшфорд сбился, побледнел и умолк. А когда инспектор прибавил, что велит осмотреть двор и непременно найдёт там це-

почку хозяйских следов, ведущую от крыльца, старик окончательно сник. Шкатулка с соверенами отыскалась припрятанной в деревянном сарае на заднем дворе, куда он отнёс её ночью. Оказалось, старый скряга задолжал крупную сумму и, не желая ни платить, ни признаваться родне в денежных затруднениях, решил разыграть кражу: спрятать золото, объявить себя жертвой грабителя, а после получить с этого выгоду — то ли разжалобить кредиторов, то ли свалить недостачу на несуществующего чужака.

— Запомните и этот урок, мой друг, — сказал Вэйн, когда дело было кончено. — Снег и грязь — союзники сыщика, ибо они не умеют лгать. Но читать их надо двояко. Во-первых, спрашивайте: есть ли след там, где он быть обязан? Если событие, о котором вам толкуют, непременно оставило бы отметину, а отметины нет, — значит, события не было. Так пустой снег под окном опроверг самое наличие вора. Во-вторых, если след есть, спрашивайте: куда он ведёт и согласуется ли его направление с рассказом? Ибо след может не просто подтвердить или опровергнуть событие — он может указать истинный путь и порядок действий. Следы от двери к окну, а не от окна вглубь, перевернули всю историю: они показали, что человек шёл изнутри наружу, а не снаружи внутрь.

Инспектор приостановился у крыльца, под которым похрустывал морозный снег.

— Отсутствие следа изобличает ложь о том, что нечто

случилось. Направление следа изобличает ложь о том, как именно нечто случилось. И часто, как нынче, оба свидетеля говорят в один голос: чистый снег кричит «вора снаружи не было», а следы на ковре указывают «вот путь хозяина». Сложите их показания — и круг сомкнётся вокруг единственного человека вернее любого признания. Помните: преступник может распахнуть окно, разбросать улики, сочинить чужака — но он не властен ни заставить снег принять отпечаток, которого не было, ни обратить вспять направление собственных шагов.

Так вы усвоили пятый урок инспектора Вэйна: читайте следы не только по тому, есть они или нет, но и по тому, куда они ведут. Чистый снег под окном поведал, что вор не приходил; влажная цепочка на ковре, тянувшаяся от двери, поведала, кто прошёл этим путём на самом деле. А вместе они изобличили хозяина, который обокрал сам себя и думал, будто распахнутое окно скроет правду. Снег не лжёт, мой друг. Лгут только люди — а их собственные следы остаются им верны до конца.

Загадка №6. Опоздавший свидетель

Серое, промозглое утро выдалось в Грейпорте — из тех, когда туман нехотя отползает к гавани, оставляя на всём холодную испарину. Инспектора Вэйна, а с ним и вас, мой друг, вызвали на тихую Вязовую улицу, в добротный дом нотариуса, господина Хэллоуея. Ночью контору на первом этаже его дома обокрали: из несгораемого шкафа исчезли деньги клиентов и пачка ценных бумаг.

— Дело занятное, — говорил Вэйн, шагая по влажной мостовой. — Кражу обнаружили утром. Шкаф открыт ключом, без всякого взлома. Подозрение пало на двоих: младшего письмоводителя, что имел доступ к запасному ключу, да на некоего господина Тарра — клиента, накануне крупно повздорившего с нотариусом из-за денег. Но есть и третий — сосед, что сам явился свидетельствовать. Послушаем всех по порядку.

В конторе их встретил бледный, заспанный нотариус Хэллоуей, всё ещё не пришедший в себя от утреннего потрясения. Несгораемый шкаф у стены стоял приоткрытым, ящики его были выдвинуты и пусты. Окно конторы выходило во двор, и на подоконнике, и на полу под ним поблёскивали мелкие лужицы — видно, ночью сюда задувало.

— Всю ночь лил дождь, — пояснил нотариус. — Перестал лишь под утро, часам к пяти. А обнаружил я кражу в семь,

спутившись отпереть контору.

Первым Вэйн расспросил младшего письмоводителя — тощего юношу по имени Финч, который дрожал и клялся, что ночь провёл дома, у больной матери, и запасного ключа в руки не брал уже неделю. Затем настал черёд господина Тарра — грузного, насупленного человека, который сердито признал, что да, повздорил с нотариусом, но ночью спал в своей постели и знать ничего не знает.

Последним вошёл сосед — юркий человечек в клетчатом жилете, представившийся господином Доу. Он сам, по доброй воле, пришёл рассказать, что видел.

— Я всё видел, инспектор, всё как на ладони! — затараторил он. — Не спалось мне нынче ночью, стоял я у окна — а живу я прямо напротив, через двор. Часа в три пополуночи, в самую глухую пору, гляжу — крадётся кто-то к окну конторы, отворяет его да внутрь и шмыгает. Постоял он там, повозился у шкафа — и тем же путём в окно вылез, с мешком за плечами. Я его хорошо разглядел, инспектор. Высокий, грузный, в тёмном пальто — вылитый господин Тарр, вот вам крест! Он это был, он, больше некому!

Господин Тарр побагровел и вскочил было с места, но Вэйн жестом усадил его обратно. Сам же инспектор подошёл к окну, заглянул на мокрый подоконник, затем выглянул во двор, на дом напротив, где было окно говорливого свидетеля. После чего обернулся к вам и заговорил тихо, так, чтобы слышали только вы.

— Любопытно, мой друг. Наш господин Доу так и рвётся услужить. Он не просто видел вора — он узнал в нём господина Тарра, да ещё в три часа пополуночи. Припомните-ка прежние наши дела. Где-то мы уже встречали такую услужливость. Свидетель, что является сам, незванный, с готовым именем виновного на устах, — птица, которую стоит рассмотреть повнимательнее.

Вэйн постучал пальцем по влажному подоконнику.

— Но дело даже не в одной услужливости. Вспомните, что сказал нам нотариус о погоде. Дождь лил всю ночь и перестал лишь к пяти утра. А наш свидетель уверяет, будто наблюдал вора в три часа пополуночи — то есть в самый разгар дождя, в кромешной тьме, через весь двор, из своего окна. И не просто наблюдал, а разглядел в подробностях: и рост, и грузную статью, и тёмное пальто — да так, что узнал определённого человека по имени.

Инспектор чуть приподнял бровь.

— Тёмная дождливая ночь. Три часа пополуночи. Стена ливня между его окном и окном конторы. Я спрашиваю вас: много ли разглядишь сквозь такую завесу? В подобную ночь и фонарь в двух шагах едва различишь, не то, что лицо человека через весь двор. Узнать в смутной тёмной фигуре определённого знакомого, назвать его по имени — это, мой друг, нам уже знакомо. Так лгал галантерейщик Криспин, расписывая шрам на щеке вора в густой туман. Тот, кто «узнаёт» виновного там, где и силуэта толком не видно, либо видел

его вовсе не тогда, либо не видел вовсе.

Вэйн кивнул на мокрый подоконник и пол под окном.

— А теперь — самое существенное. Окно. Вор, по словам Доу, влез в это окно снаружи и тем же путём вылез, да ещё с мешком за плечами. Дождь лил до пяти утра. Стало быть, всякий, кто лез бы в окно среди ночи, в самый ливень, неминуемо принёс бы с собою воду — мокрые отпечатки рук и ног, потёки, лужи талой... то есть дождевой грязи на подоконнике и на полу внутри, ведущие от окна вглубь комнаты, к шкафу. Взгляните же: лужицы на подоконнике и под ним есть — но это вода, что натекла снаружи, с дождём, через прикрытую раму. А внутрь, к шкафу, от окна не тянется ни единого мокрого следа. Ни отпечатка подошвы, ни потёка, ни грязи. Будто никто и не перелезал через этот залитый дождём подоконник в комнату.

Инспектор выпрямился.

— И заметьте ещё одно: шкаф открыт ключом, без следов взлома. Чужак, влезший в окно с улицы, не имел бы ключа от несгораемого шкафа — ему пришлось бы ломать его или возиться с отмычкой. А шкаф отперт чисто, гладко, своим ключом. Тот, кто его открыл, ключ имел — стало быть, вошёл он не через окно с дождём за спиной, а спокойно, изнутри дома, ключом отпер шкаф, а окно отворил после, для отвода глаз, чтоб всё свалить на ночного грабителя.

Господин Доу под этими словами заметно сник, перестал тараторить и принялся теревить пуговицу клетчатого жиле-

та. А инспектор Вэйн, по своему всегдашнему обыкновению, обернулся к вам и предоставил сделать вывод самостоятельно.

Итак, мой друг, перед вами шестая загадка. Сосед Доу сам, незванный, явился свидетельствовать и с ходу указал на господина Тарра как на вора. Но дождь лил до пяти утра, а вора он будто бы видел в три часа пополудни — в кромешной тьме, сквозь ливень, через весь двор, да ещё и узнал в нём определённого человека. Меж тем внутри конторы, от залитого дождём окна к шкафу, нет ни единого мокрого следа, а сам шкаф открыт не взломом, а ключом.

О чём говорит вам эта дождливая ночь? Мог ли свидетель и впрямь разглядеть, и узнать вора в три часа пополудни, в самый ливень, через двор? И о чём говорит сухой пол под мокрым окном — мог ли вор влезть снаружи в окно в разгар дождя, не оставив внутри ни капли? А коли через окно никто не лез и шкаф открыт ключом — то откуда же взялся вор? И главное: зачем человеку, который не мог ничего видеть, так настойчиво называть имя?

Вспомните уроки прежних дел: дождь не лжёт, темнота не лжёт, мокрый след — свидетель верный. Если свидетель «видит» то, чего в такую ночь увидеть нельзя, и «узнаёт» того, кого узнать невозможно, — спросите себя, отчего он так старается указать пальцем на другого.

Кто же на самом деле обокрал контору нотариуса Хэллоуея? И почему слишком зоркий в кромешной тьме свидетель

выдал себя вернее любого признания?

Истина, как всегда, у вас перед глазами. Нужно лишь уметь её увидеть — даже сквозь ночной ливень над Грей-портом.

Ответ к Загадке №6. Опоздавший свидетель

Контору нотариуса Хэлловея обокрал сам услужливый сосед — господин Доу, тот самый, что по доброй воле явился свидетельствовать и с ходу указал перстом на грузного господина Тарра. Никакого ночного грабителя, лезущего в окно под проливным дождём, не существовало вовсе. Доу выдумал его от первого до последнего слова, чтобы свалить вину на повздорившего с нотариусом Тарра — готового, удобного виновного. А изобличили мнимого свидетеля три безмолвных улики: невозможность что-либо разглядеть в ливневую ночь, сухой пол под мокрым окном и шкафом, отпертый ключом, а не взломом.

Давайте проследим за рассуждениями инспектора Вэйна шаг за шагом, ибо это дело соединило в себе все прежние уроки — и избыток подробностей у лжеца, и зрение, невозможное в темноте, и след, которого нет там, где он быть обязан.

— Начнём с самого свидетеля, мой друг, — говорил Вэйн вполголоса, отведя вас в сторону. — Припомните дело галантерейщика Криспина. Чему оно нас научило? Тому, что свидетель, который сам, незванный, является с готовым именем виновного на устах, — птица особая, и рассматривать её надлежит с сугубым вниманием. Невинному соседу нет

нужды бежать в полицию и навязывать ей преступника. А наш господин Доу не просто прибежал — он явился с именем наготове: «вылитый господин Тарр, он это был, больше никому». Этакая услужливость сама по себе уже подозрительна.

Инспектор поднял палец.

— Но подозрение — ещё не доказательство. Обратимся к тому, что Доу мог видеть, а чего видеть не мог. Вспомните слова нотариуса о погоде: дождь лил всю ночь и перестал лишь к пяти утра. А вора Доу будто бы наблюдал в три часа пополудни — то есть в самый разгар ливня, в кромешной тьме, через весь двор, из своего окна напротив. И что же он разглядел? Рост, грузную статью, тёмное пальто — да так подробно, что узнал определённого человека и назвал его по имени.

Вэйн покачал головой.

— Тёмная дождливая ночь, три часа пополудни, стена воды между его окном и окном конторы. В такую ночь и фонарь в двух шагах едва различишь, не то, что лицо человека через весь двор. Различить смутный силуэт — пожалуй. Но узнать в этом силуэте конкретного знакомца, опознать его уверенно, по имени, — это, мой друг, нам уже знакомо. Так лгал Криспин, расписывая шрам на щеке вора сквозь густой туман. Тот, кто «узнаёт» виновного там, где и тени-то толком не видать, либо видел его вовсе не тогда и не там, либо не видел вовсе. Доу видел слишком много для такой ночи — а

избыток зрения в крошечной тьме изобличает лжеца вернее всякого признания.

Вы кивнули, но инспектор не остановился — впереди была улика весомее любых рассуждений о темноте.

— А теперь — окно, мой друг. Самое существенное. По словам Доу, вор влез в это окно снаружи, повозился у шкафа и тем же путём вылез, да ещё с мешком за плечами. Дождь лил до пяти утра. Что неминуемо принёс бы с собою человек, лезущий в окно посреди ливня? Воду. Мокрые отпечатки рук на подоконнике, потёки и лужи на полу внутри, грязные следы подошв, тянущиеся от окна вглубь комнаты, к шкафу и обратно. Дождевая вода и грязь — такие же верные свидетели, как снег под окном Эшфорда или клумба у дома Голсуорти.

Вэйн постучал пальцем по влажному подоконнику.

— Что же мы видим на деле? Лужицы на подоконнике и под ним есть — но это вода, что натекла снаружи сама собою, с дождём, через неплотно прикрытую раму. А внутрь, от окна к шкафу, не тянется ни единого мокрого следа. Ни отпечатка подошвы, ни потёка, ни грязи на ковре, ни мокрых пятен на полу. Будто никто и не перелезал через этот залитый дождём подоконник в комнату. А ведь перелезь через него человек в самый ливень — он оставил бы за собою мокрую дорожку, которую ни с чем не спутаешь. Дорожки нет. Стало быть, через окно снаружи в ливень не входил никто. Окно отворили лишь для виду.

Инспектор выпрямился.

— И третья улика венчает дело. Шкаф открыт ключом, гладко, без единого следа взлома. А теперь рассудите: чужак, влезший в окно с улицы, не имел бы ключа от несгораемого шкафа нотариуса. Ему пришлось бы ломать дверцу, корёжить замок, орудовать отмычкой — словом, оставить следы возни. Но шкаф отперт чисто, своим ключом. Значит, тот, кто его открыл, ключ имел или знал, где он лежит. Чужой грабитель с улицы ключа иметь не мог. А вот человек, вошедший спокойно, изнутри, заранее знавший, где хранится ключ, — мог вполне.

Вэйн сложил руки за спиной.

— Сведём всё воедино. Через окно в ливень никто не лез — это доказывает сухой пол под мокрым подоконником. Шкаф отперт ключом, а не взломан — стало быть, вор имел ключ. Свидетель «видел» и «узнал» вора в кромешной дождливой тьме, что невозможно, — стало быть, он лжёт. И этот же свидетель сам прибежал указать на Тарра. Кому же выгодна вся эта картина? Тому, кто сочинил несуществующего грабителя, влезającego в окно, и подсунул на его роль человека, у которого как раз накануне вышла ссора с нотариусом, — то есть готового подозреваемого с явным мотивом. А сочинил всё это не кто иной, как сам господин Доу.

Вы спросили: но как же Доу проник в контору и где взял ключ? Инспектор предугадал вопрос.

— Доу — ближайший сосед, живёт прямо напротив, через

двор, — ответил Вэйн. — Сосед нотариуса, человек, бывавший в конторе, имевший случай подсмотреть, где хранится запасной ключ, а может, и тайком его раздобывший. Он вошёл ночью спокойно, без всякого лазанья в окна, отпер шкаф ключом, забрал деньги и бумаги. А чтобы отвести от себя подозрение, распахнул окно для виду, изобразив проникновение снаружи, — да только в спешке не сообразил, что дождь выдаст его: лезь кто и впрямь в окно в ливень, внутри остались бы мокрые следы, а их нет. Наутро же он сам прибежал свидетельствовать и указал на Тарра, благо весь квартал знал об их вчерашней ссоре. Удобный враг — лучший подарок для вора, как и садовник Том для Голсуорти.

Под спокойным, неотступным взглядом инспектора господин Доу сперва ещё цеплялся за своё: мол, темно было, да всё ж разглядел, мол, точно Тарр. Но стоило Вэйну ровным голосом спросить, отчего же при таком ливне, длившемся до пяти утра, пол внутри под окном сух, как лист бумаги, и куда подевались мокрые следы вора, что якобы лез через залитый дождём подоконник, — а заодно отчего шкаф отперт ключом, которого у уличного грабителя быть не могло, — клетчатый человечек сник, перестал тараторить и сознался. Деньги и ценные бумаги отыскались у него же, в доме напротив, припрятанные под половицей. Оказалось, Доу запутался в собственных долгах, давно приглядывался к конторскому шкафу и, улучив ночь, когда ссора Тарра с нотариусом была у всех на устах, решил обчистить шкаф и свалить вину на

готового виновного.

Господин Тарр, едва не угодивший за решётку по навету, был отпущен с извинениями, а злосчастный письмоводитель Финч, дрожавший с самого утра, и вовсе оказался ни при чём.

— Запомните и этот урок, мой друг, — сказал Вэйн на прощание, выходя под промозглую морось Вязовой улицы. — В этом деле сошлись сразу три наших старых знакомца. Первый: свидетель, что является сам и сам называет виновного, заслуживает двойной проверки — ему может быть выгодно увести нас в сторону. Второй: проверяйте всякое показание на возможность — мог ли человек видеть то, о чём говорит? Дозволяли ли это час, тьма, дождь, расстояние? Доу «увидел и узнал» вора в ливневую полночь через весь двор — а это невозможно, и невозможность эта изобличила его. И третий, самый верный: ищите след там, где он быть обязан. Лезь вор в окно под дождём — пол внутри был бы мокр; пол сух — значит, не лез. Взломай вор шкаф — был бы взлом; шкаф отперт ключом — значит, у вора был ключ, а ключ был лишь у своих.

Инспектор приостановился.

— Видите, как славно эти три свидетеля — темнота, сухой пол и нетронутый замок — поддержали друг друга? Каждый сам по себе уже наводил на размышления, а вместе они не оставили лжецу ни единой щели. Доу мог распахнуть окно, мог сочинить грабителя, мог указать на врага нотариуса —

но он не властен был ни заставить тьму выдать лицо, которого она не выдаёт, ни высушить следы, которых не оставлял, ни взломать шкаф, который отпер ключом. Дождь не лжёт, тьма не лжёт, замок не лжёт. Лгут только люди — и громче всех лжёт тот, кто слишком торопится назвать чужое имя.

Так вы усвоили шестой урок инспектора Вэйна: остерегайтесь услужливого свидетеля, что сам приводит вам виновного за руку. Проверяйте, мог ли он вообще видеть то, о чём свидетельствует, и сверяйте его рассказ с немymi уликами места — с водой, следами, замками. Ибо чаще всего тот, кто громче всех кричит «вон он, вор!», на поверку и оказывается вором, ловко спрятавшимся за чужой спиной.

Загадка №7. Тайна закрытой двери

Туман в то утро лёг особенно густо, и в управление инспектора Вэйна привело дело необычайное — из тех, что в книгах зовут «загадкой запертой комнаты». Звал их к себе господин Блэквуд, владелец небольшого ломбарда на Якорной улице, человек обстоятельный и недоверчивый.

— Случай и впрямь любопытный, мой друг, — говорил Вэйн, шагая сквозь молочную мглу. — Из задней комнаты ломбарда, где Блэквуд держит самое ценное, исчезло золотое ожерелье с рубинами, оставленное в заклад одной важной особой. А комната эта, по словам хозяина, была заперта наглухо — единственная дверь на замке, ключ всю ночь у самого Блэквуда, окон нет вовсе. И всё же ожерелье пропало. Хозяин в смятении и твердит, что это не иначе как нечистая сила.

В ломбарде их встретил сам Блэквуд — сухопарый, нервный человек с воспалёнными от бессонницы глазами. Он провёл инспектора и вас в заднюю комнату. То была тесная каморка без единого окна, с голыми кирпичными стенами. Вдоль стены тянулись полки, посреди стоял прочный стол, а на нём — раскрытый бархатный футляр, в котором прежде покоилось ожерелье.

— Вот, господин инспектор! — заломил руки Блэквуд. — Вечером я своими руками запер эту дверь, ключ положил в

карман и не вынимал до утра. Окон нет, стены каменные, пол и потолок целые. А утром отпираю — футляр пуст! Как, скажите на милость, вор мог войти и выйти через запертую дверь, не имея ключа?

Вэйн неторопливо осмотрел каморку. Стены и впрямь были глухие, без отдушин. Пол — крепкие доски, потолок цел. Дверь — массивная, дубовая. Инспектор внимательно изучил замок, подёргал дверь, заглянул в скважину. Затем перевёл взгляд на дверные петли — и задержался на них.

Вы пригляделись тоже. Петли были начищены до блеска и обильно смазаны свежим маслом — настолько свежим, что капля его ещё поблёскивала на нижней петле и пятнала пол под нею. Дверь, когда Вэйн качнул её ещё раз, ходила бесшумно, гладко, без малейшего скрипа.

— Скажите, господин Блэквуд, — мягко спросил инспектор, — давно ли вы смазывали эти петли?

Хозяин замялся.

— Да... да я и не смазывал их вовсе. Дверь старая, она всегда скрипела, я и внимания не обращал.

Вэйн коснулся пальцем свежего масла на петле, поднёс к свету, затем оглядел дверной косяк. Возле петель, на самой кромке двери, виднелись тонкие свежие царапины — следы инструмента. После чего он обернулся к вам и заговорил вполголоса.

— Любопытно, мой друг. Хозяин уверяет, будто комната была неприступна: дверь заперта, ключ у него, иного пу-

ти нет. Он подводит нас к мысли о чуде или о нечистой силе. Но вспомните наши прежние уроки. Когда вам говорят «это невозможно, тут не обошлось без волшебства» — ищите способ, которым невозможное обратили в возможное. Чуда не бывает. Бывает лишь способ, которого мы покуда не разглядели.

Инспектор постучал по петле.

— И способ этот — вот он, перед нами. Заметьте: хозяин твердит, что вор не мог войти через запертую дверь, не имея ключа. И он прав — через замок без ключа не пройти. Но дверь держится не на одном замке. Дверь держится ещё и на петлях. А петли, мой друг, можно снять. Выбейте штыри из петель — и дверь снимется с той стороны, что противоположна замку, открываясь, как страница книги, хотя замок остаётся запертым. После же дверь можно вернуть на место, штыри вставить обратно, замок так и не тронуть — и комната снова «заперта изнутри».

Вэйн указал на свежее масло и царапины.

— Вот почему петли так свежо смазаны: чтобы дверь снялась и встала бесшумно, без скрежета, что разбудил бы спящего хозяина или соседей. Вот откуда свежие царапины у петель — следы инструмента, которым выбивали штыри. И вот отчего старая, всегда скрипевшая дверь нынче ходит беззвучно, как намасленная. Никакого чуда. Кто-то снял дверь с петель, забрал ожерелье и аккуратно навесил дверь обратно.

Инспектор сложил руки за спиной и посмотрел на поблед-

невшего хозяина.

— Остаётся один вопрос. Кто мог проделать это? Тот, у кого был и доступ к двери, и время, и сноровка, и — главное — знание, что в этой каморке хранится дорогое ожерелье важной особы. Снять дверь с петель, повозиться с маслом и штырями — на это нужно время и спокойствие, какое бывает лишь у того, кому никто не помешает. У того, кто и сам в доме хозяин.

Господин Блэквуд под этими словами весь сжался, забежал глазами и принялся теревить цепочку часов. А инспектор Вэйн, по своему всегдашнему обыкновению, обернулся к вам и предоставил сделать вывод самостоятельно.

Итак, мой друг, перед вами седьмая загадка. Хозяин ломбарда уверяет, что комната была неприступна: ни окон, ни иных ходов, единственная дверь заперта на замок, а ключ всю ночь оставался при нём. И всё же ожерелье исчезло. Хозяин намекает на чудо, на нечистую силу — словом, подводит вас к мысли, что войти в комнату было попросту невозможно.

Но вспомните уроки прежних дел: невозможного не бывает — бывает лишь способ, которого мы не разглядели. Посмотрите на петли — свежесмазанные, в свежем масле, со свежими царапинами у штырей. Подумайте: чем держится дверь, кроме замка? Можно ли отворить запертую дверь, не трогая замка вовсе? Зачем понадобилось так обильно и так недавно смазывать петли старой, вечно скрипевшей двери?

И отчего у петель остались следы инструмента?

А коли вы поняли, как именно «запертая» комната была открыта, спросите себя о главном: кто мог это сделать? Кто имел и доступ, и время, и спокойствие повозиться с дверью целую ночь напролёт? И кому было выгодно, чтобы все поверили в чудо и в неприступность комнаты, — не тому ли, кто сам твердит громче всех, что войти было невозможно?

Кто же похитил ожерелье из запертой каморки господина Блэквуда? И почему свежесмазанные петли изобличают истинного виновника вернее любого признания?

Истина, как всегда, у вас перед глазами. Нужно лишь уметь её увидеть — даже за наглухо запертой дверью в тумане Грейпорта.

Ответ к Загадке №7. Тайна закрытой двери

Ожерелье с рубинами похитил сам хозяин ломбарда — господин Блэквуд, тот самый, что громче всех твердил о неприступности комнаты и взывал к нечистой силе. Никакого чуда, никакого таинственного вора, прошедшего сквозь стены, не было и в помине. Хозяин разыграл загадку запертой комнаты собственными руками: снял дверь с петель, забрал ожерелье и аккуратно навесил дверь обратно, оставив замок нетронутым. А выдали его свежесмазанные петли, поблёскивающая капля масла на полу и тонкие царапины от инструмента у штырей — три безмолвных свидетеля, что не умеют ни лгать, ни взывать к потусторонним силам.

Давайте проследим за рассуждениями инспектора Вэйна шаг за шагом, ибо это дело преподало вам важнейший урок о природе «невозможного».

— Начнём с главного, мой друг, — говорил Вэйн вполголоса, отойдя от теребящего цепочку хозяина. — С того, как хозяин подаёт нам своё дело. Заметьте, к чему он клонит всякий раз: комната неприступна, войти нельзя, тут не обошлось без нечистой силы. Он не просто описывает происшедшее — он усердно внушает нам мысль о чуде. А чудо, мой друг, — самое подозрительное слово в устах потерпевшего. Ибо запомните раз и навсегда: чудес не бывает. Не

бывает преступлений, совершённых призраками или духами. Когда человек уверяет вас, что нечто было совершенно невозможно, — он либо сам обманут, либо обманывает вас. И в обоих случаях ваша задача одна: отыскать тот способ, которым невозможное обратили в возможное. Не «как этого не могло быть», а «как именно это сделали».

Инспектор поднял палец.

— Рассудим же трезво. В чём состоит «неприступность»? Стены каменные, глухие, без отдушин — это правда, я их осмотрел. Пол и потолок целы — тоже правда. Окон нет вообще. Остаётся единственная дверь. И вот тут хозяин ставит знак равенства, который и есть корень всего обмана. Он говорит: дверь заперта на замок, ключ всю ночь у меня, стало быть, войти было нельзя. Слышите подмену? Он отождествляет «дверь заперта» с «дверь непроходима». А это далеко не одно и то же.

Вэйн постучал костяшкой по дверной филёнке.

— Ибо чем держится дверь в проёме? Двумя вещами. С одной стороны — замком, что входит в косяк. С другой стороны — петлями, на которых она навешена. Замок и впрямь был заперт, ключ и впрямь лежал в кармане хозяина — пусть так, я этого не оспариваю. Но петли! О петлях-то хозяин умолчал, выпятив один лишь замок. А меж тем дверь можно отворить, вовсе не касаясь замка. Выбейте штыри — те стержни, что проходят сквозь петли, — и дверь освободится с той стороны, где петли, оставаясь сцепленной с кося-

ком лишь запёртым замком, как книга — корешком. Её можно отвести в сторону, отворить, словно страницу, проскользнуть внутрь, а после вернуть на место и вставить штыри обратно. Замок при этом ни разу не повернётся, ключ так и пролежит в кармане. Наутро комната будет «заперта изнутри» — а ожерелья как не бывало.

Вы кивнули, но спросили: чем же доказать, что было именно так, а не иначе? Инспектор указал на петли.

— А вот чем, мой друг. Помните прежние наши уроки: физический мир хранит память обо всём, что в нём творится. И петли сохранили эту память во всех подробностях. Взгляните на три вещи разом. Первое: петли обильно смазаны маслом, причём маслом свежайшим — капля его ещё не засохла, поблёскивала на нижней петле и пятнала пол под нею. Свежее масло не лжёт о времени: его налили совсем недавно, нынешней ночью. Второе: дверь, прежде вечно скрипевшая — хозяин сам в том признался, сказав, что и не думал её смазывать, — теперь ходит беззвучно, гладко, без единого скрипа. Третье: у самых петель, на кромке двери, виднеются тонкие свежие царапины — следы металлического инструмента, которым поддевали и выбивали штыри.

Инспектор сложил руки за спиной.

— Сложите эти три приметы воедино — и они расскажут связную повесть. Зачем смазывать маслом старую, ненужную дверь среди ночи? Чтобы петли вышли из гнёзд легко и, главное, бесшумно — ведь скрип выдал бы возню. Отче-

го вечно скрипевшая дверь вдруг онемела? От того самого свежего масла. Откуда царапины у штырей? От инструмента, что их выбивал. Каждая мелочь по отдельности — пустяк. Но вместе они складываются в единственно возможную картину: дверь нынешней ночью снимали с петель и вешали обратно. А коли её снимали, то «неприступность» комнаты — выдумка. Войти было можно, не трогая ни замка, ни ключа.

Вэйн перешёл ко второй части — к виновному.

— Теперь спросим: кто? Способ требует трёх вещей. Во-первых, доступа к двери — снаружи, со стороны лавки. Во-вторых, времени и спокойствия: выбить штыри, снять тяжёлую дубовую дверь, забрать вещь, навесить дверь обратно, вставить штыри, да ещё всё промаслить — это не дело пяти минут, это работа неторопливая, требующая, чтобы никто не помешал и не застал врасплох. Кто в доме располагает целой ночью и не боится быть застигнутым? Лишь тот, кто сам здесь хозяин. В-третьих — знание. Вор должен был точно знать, что именно в этой глухой камерке хранится дорогое ожерелье важной особы, а не пустые футляры. О том, что лежит в потайной задней комнате ломбарда, ведал прежде всего сам владелец.

Инспектор кивнул в сторону Блэквуда.

— И, наконец, вспомните дела Голсуорти и Эшфорда. Кто кричал об ограблении громче всех? Кто торопился убедить нас, что преступление совершить было нельзя, что виноваты потусторонние силы? Сам хозяин. Тот, кто настойчивее

всех твердит «это невозможно, я тут ни при чём», нередко и оказывается тем, кто обставил эту мнимую невозможность. Блэквуду нужно было, чтобы мы поверили в неприступность комнаты, — ибо если в неё нельзя проникнуть извне, то и спрос не с него, простого хранителя, а с нечистой силы. Он рассчитывал на чудо как на щит. Но чудо рассыпалось от одной капли масла.

Под спокойным, неотступным взглядом инспектора хозяин сперва ещё лепетал про духов да про то, что петли-де сами собою заржавели и сами собою смазались. Но стоило Вэйну ровным голосом предложить ему объяснить, отчего на свежем масле ещё не осела пыль, отчего вечно скрипевшая дверь вдруг онемела за одну ночь и откуда взялись царапины от инструмента у штырей, — Блэквуд сник, побледнел и сознался. Ожерелье отыскалось тут же, в ломбарде, ловко зашитое в подкладку старого пальто на вешалке. Оказалось, владелец, запутавшись в долгах и не сумев вернуть заклад в срок, решил инсценировать дерзкую кражу: объявить ожерелье похищенным таинственным вором, получить страховое возмещение или хотя бы оттянуть расплату с важной особой, свалив всё на необъяснимое чудо. Снять собственную дверь с петель показалось ему верхом хитрости — ведь ключ-то оставался при нём, а значит, подозрение, по его расчёту, обошло бы его стороной.

— Запомните и этот урок, мой друг, и запомните крепко, — сказал Вэйн на прощание, выходя в туман Якорной

улицы. — Это первый наш случай с так называемой «запертой комнатой», и подобных дел впереди будет ещё немало. Главное правило здесь таково: никогда не принимайте слово «невозможно» за чистую монету. «Невозможно» означает лишь, что вы покуда не разглядели способа. Преступник, обставляющий невозможное преступление, всегда оставляет шов, стык, прореху в своей хитрости — ибо чудес не бывает, а всякий рукотворный обман имеет изнанку.

Инспектор приподнял воротник.

— Когда вам говорят, что в запертую комнату нельзя было войти, не спрашивайте «правда ли это», а спрашивайте «каким же путём вошли». Перечислите все способы: через окно — нет окон; сквозь стены — стены целы; через пол и потолок — целы и они; через замок — заперт, ключ у хозяина. Что остаётся? Петли. Дверь держится не на одном замке. И вот тут глаз ваш падает на свежее масло, на онемевшую дверь, на царапины — и невозможное оборачивается простым и понятным. Преступник так гордился неприступностью своей комнаты, что забыл: дверь снимается с двух сторон, а не с одной. Он стерёг замок — и проглядел петли.

Так вы усвоили седьмой урок инспектора Вэйна: «запертая комната» — не чудо, а фокус, и всякий фокус имеет разгадку. Ищите не доказательство невозможности, а способ её обойти. Чаще всего он кроется в той части, на которую вам нарочно не велят смотреть, — пока все взоры прикованы к запертому замку и заветному ключу, истинная дверь тихо

снимается с петель. Масло, тишина и царапины рассказали то, чего не мог скрыть никакой призрак: в комнату вошёл живой человек, и человек этот был сам хозяин.

Загадка №8. Не тот ключ

Утро выдалось ясным, но холодным, и туман, по обыкновению своему, неохотно сползал с черепичных крыш Грей-порта к набережной. Инспектора Вэйна, а с ним и вас, мой друг, вызвали на сей раз в почтенную контору «Марлоу и сыновья» — торговый дом, что вёл дела с заморскими купцами и держал в своих стенах изрядные суммы наличными. Случилось дело о пропаже: из конторского сейфа исчезла шкатулка с жалованьем всех служащих, приготовленная к выдаче.

— Дело по видимости простое, — говорил Вэйн, поднимаясь по широкой лестнице торгового дома. — Сейф открыт без всякого взлома, своим ключом. А ключей от него ровно три, и каждый на строгом счету. Стало быть, круг наших подозреваемых узок до крайности — трое держателей ключей, и более никого. Кто-то из них и есть наш человек. Послушаем всех да поглядим на сами ключи.

В кабинете управляющего их встретил сам глава дела — седовласый господин Марлоу, мрачнее тучи. Массивный сейф у стены стоял приотворённым, шкатулка с жалованьем исчезла. Ни царапины на дверце, ни следа отмычки — сейф отперли ключом, спокойно и чисто.

— Три ключа, инспектор, всего три, — глухо проговорил Марлоу. — Один у меня, я ношу его на цепочке при себе

и нынче ночью, и всегда. Второй — у моего старшего приказчика, господина Финча. Третий — у кассира, господина Гримсби. Иных ключей нет и быть не может: замок особый, заказной, дубликат не выточишь у первого встречного слесаря.

— Покажите-ка мне все три ключа, — спокойно молвил Вэйн.

Господин Марлоу первым снял с цепочки свой ключ и положил на стол. Затем призвали обоих служащих.

Первым явился старший приказчик Финч — суетливый, плешивый человек, который тут же принялся уверять, что ключ его всю ночь пролежал дома, в запертом ящике стола, а сам он не отлучался от больной жены. Он выложил свой ключ рядом с хозяйским.

Следом вошёл кассир Гримсби — высокий, сухощавый господин с надменным лицом. Он держался холодно и заявил, что ночевал в своей квартире, ключа из рук не выпускал и знать ничего не знает. С этими словами он тоже положил свой ключ на стол.

Теперь на столе перед инспектором лежали три ключа. Вэйн склонился над ними и принялся разглядывать с той неторопливой обстоятельностью, какую вы уже привыкли в нём узнавать. Он брал каждый ключ, поворачивал его к свету, проводил пальцем по бородке, по бороздкам, по самому стержню. Два ключа — хозяйский и приказчика — были потемневшими от времени, с тусклым налётом старой меди,

какой ложится на металл за годы службы. Бородки их были чуть стёрты, бороздки забиты застарелой грязью.

А вот третий ключ, ключ кассира Гримсби, заставил инспектора задержаться. Вэйн поднёс его к самому окну, на свет, и долго рассматривал. Затем поманил вас ближе.

— Взгляните, мой друг, — произнёс он негромко. — И сравните три эти ключа меж собою. Два из них — старые, потемневшие, со стёртыми бородками, с грязью в бороздках, какая копится годами. Таковы и должны быть ключи, что много лет открывают один и тот же сейф. А теперь — третий.

Вы пригляделись. Ключ Гримсби разительно отличался от двух прочих. Металл его был свежим, светлым, без всякого налёта старины. На бородке поблёскивали тонкие свежие царапины и заусенцы — следы недавней работы напильника. Бороздки были чисты, остры, не сточены — будто ключ выточили совсем недавно и ещё не успели обкатать в замке.

— Свежий ключ, — тихо сказали вы. — Новенький.

— Новенький, — кивнул Вэйн. — Светлый металл, свежие следы напильника на бородке, острые, не стёртые бороздки. Этот ключ не три года и не десять лет открывал сейф — этому ключу от роду несколько дней. Он не настоящий. Это дубликат, и притом совсем недавно изготовленный. А господин Гримсби только что поклялся нам, будто держит при себе свой подлинный ключ и ключа из рук не выпускал.

Инспектор повертел свежий ключ в пальцах.

— Любопытно складывается, мой друг. Господин Марлоу

уверял, будто дубликат к такому особому замку не выточишь у первого встречного слесаря. И он отчасти прав — нужен мастер искусный, да и образец нужен, с которого снять слепок или копию. А кто же легче всех мог раздобыть образец, как не один из троих держателей ключей? Кто-то заказал тайно дубликат, отпер им ночью сейф, забрал жалованье — а свой подлинный ключ, надо думать, либо сбыл, либо припрятал, либо... Впрочем, не будем спешить. Посмотрим, что скажет нам сам ключ да тот, кто его принёс.

Господин Гримсби под этими словами заметно изменился в лице, надменность его сползла, и он принялся теревить край сюртука. А инспектор Вэйн, по своему всегдашнему обыкновению, обернулся к вам и предоставил сделать вывод самостоятельно.

Итак, мой друг, перед вами восьмая загадка. Сейф отперт без взлома, своим ключом, а ключей от него всего три — у хозяина Марлоу, у приказчика Финча и у кассира Гримсби. Все трое клянутся, что ключей своих из рук не выпускали и ночевали дома. Но на столе перед инспектором лежат три ключа, и два из них — старые, потемневшие, со стёртыми за годы службы бородками, а третий, ключ Гримсби, — свежий, светлый, с острыми, не сточенными бородками и следами недавней работы напильника.

О чём говорит вам этот новенький ключ среди двух старых? Может ли ключ, годами открывавший один и тот же сейф, остаться светлым, острым и без всякого налёта стари-

ны? А коли ключ Гримсби явно изготовлен недавно — стало быть, это не его подлинный ключ, а свежий дубликат. Зачем же кассир принёс нам поддельный ключ вместо настоящего? И где же тогда его настоящий ключ — не им ли отперт ночью сейф?

Вспомните уроки прежних дел: состояние вещи хранит память о её возрасте и службе вернее всякого свидетеля. Старый ключ темнеет и стирается, свежий — блестит и острёр. Если человек выдаёт новенький ключ за свой давний, всегдашний — значит, он лжёт, а лжёт обыкновенно тот, кому есть что прятать.

Кто же похитил жалованье из сейфа торгового дома Марлоу? И почему свежий блеск поддельного ключа изобличает истинного виновника вернее любого признания?

Истина, как всегда, у вас перед глазами. Нужно лишь уметь её увидеть — даже среди трёх неразличимых на первый взгляд ключей в тумане Грейпорта.

Ответ к Загадке №8. Не тот ключ

Жалованье из сейфа торгового дома Марлоу похитил кассир Гримсби — тот самый надменный господин, что холодно уверял, будто ключа своего из рук не выпускал. И выдал его, как верно подметил инспектор Вэйн, не свидетель, не след и не оговорка, а сам металл: ключ, который кассир выложил на стол как свой подлинный, оказался свежим, новеньким дубликатом, тогда как настоящий ключ за годы службы давно бы потемнел и сточился. Гримсби заказал тайно копию, отпер ею ночью сейф, а на осмотр принёс эту самую копию, не сообразив, что блеск нового металла кричит о подлоге громче любого признания.

Давайте проследим за рассуждениями инспектора Вэйна шаг за шагом, ибо это дело — прекрасный образец того, как сужается круг подозреваемых и как немой предмет уличает живого человека.

— Начнём с круга подозреваемых, мой друг, — говорил Вэйн вполголоса, отойдя к окну с тремя ключами в руке. — В этом деле он узок до отрадного. Сейф отперт чисто, ключом, без единого следа взлома — я сам осмотрел дверцу, ни царапины, ни вмятины, ни отметины отмычки. Стало быть, его открыли подлинным ключом или его точной копией. А ключей, по словам Марлоу, всего три, и замок особый, заказной — дубликат у первого встречного слесаря не выточишь.

Кто же владеет ключами? Сам хозяин Марлоу, старший приказчик Финч и кассир Гримсби. Вот наши трое, и более никого. Истина непременно среди них.

Инспектор поднял палец.

— Теперь припомните прежние наши уроки о состоянии вещей. В деле о чужом зонте нас выручила сухость шёлка в дождливое утро. Вещь сама по себе нема, говорил я вам, — заговаривает она лишь тогда, когда вы спросите: соответствует ли её вид тому, чем она должна быть? Так и здесь. Что есть ключ, годами отпирающий один и тот же сейф? Это ключ старый, потемневший, с тусклым налётом, какой ложится на медь от долгого ношения в кармане, от прикосновений сотен раз. Его бородака чуть стёрта, бороздки забиты застарелой грязью, ибо всякий поворот в замке мало-помалу обкатывает металл. Таковы и должны быть подлинные, давние ключи.

Вэйн разложил три ключа на ладони.

— Два из них именно таковы — ключ хозяина и ключ приказчика. Старые, тёмные, сточенные, с грязью в желобках. Они честно несут на себе печать своих лет. А третий — ключ кассира Гримсби? Взгляните на него ещё раз. Металл светлый, свежий, без единого следа старины. На бородаке — тонкие свежие царапины и заусенцы, какие оставляет напильник мастера. Бороздки острые, чистые, не обкатанные, словно ключ и десятка раз не побывал в замке. Это ключ-младенец, мой друг. Ему от роду несколько дней, не более.

Инспектор сделал паузу, давая вам осмыслить.

— И вот здесь — вся суть дела. Гримсби, как и двое прочих, поклялся, что держал при себе свой подлинный ключ и из рук его не выпускал. Подлинный! Но подлинный ключ от старого сейфа не может быть свежим и блестящим — он по необходимости стар и потёрт, как ключи Марлоу и Финча. Свежий же дубликат может появиться лишь одним путём: его кто-то заказал и недавно изготовил. Стало быть, ключ, который Гримсби выдаёт за свой всегдашний, на деле есть новенькая подделка. Кассир солгал. А лжёт, как мы знаем, обыкновенно тот, кому есть что прятать.

Вы кивнули, но один вопрос ещё свербил: куда же делся настоящий ключ Гримсби и зачем ему вообще понадобился дубликат, если подлинный был у него на руках? Инспектор предугадал сомнение.

— Превосходный вопрос, и в нём кроется вся хитрость замысла, — сказал Вэйн. — Рассудите, как мыслил Гримсби. Будь у него на руках лишь подлинный ключ, и реши он обокрасть сейф — на него первого и пало бы подозрение: он один из трёх, открыть мог он. Поэтому он решил обставить дело так, будто его ключ всё это время был при нём, в полной сохранности, и потому он-де чист. Для этого он заказал тайно дубликат. План его, надо думать, состоял в том, чтобы отпереть сейф копией, а на следствии предъявить «свой» ключ — целый и невредимый, как доказательство непричастности: «вот мой ключ, я его не терял, не одалживал, стало быть,

не я».

Инспектор усмехнулся.

— Но он совершил роковую промашку, и не одну. Во-первых, дубликат, изготовленный по слепку, выходит из-под напильника свежим и блестящим — его не состаришь за несколько дней. Во-вторых, в спешке и волнении он, по всей видимости, запутался, какой же ключ предъявлять. Подлинный его ключ был старым — но если предъявить старый, то чем же тогда отперт сейф? Ведь он мог где-то засветиться, оставить след, да и хранить две одинаковые вещи опасно. И он принёс нам новенький — то ли по ошибке, то ли потому, что подлинный уже сбыл, спрятал или испортил, заметая следы. Каков бы ни был его расчёт, итог один: на столе перед нами лежит свежий дубликат, выданный за многолетний ключ. А это невозможно. Отбросьте невозможное — и останется правда: этот человек заказал поддельный ключ, и заказал его не для добрых дел.

Вэйн сложил руки за спиной.

— Сведём всё воедино. Круг подозреваемых — трое держателей ключей. Сейф отперт ключом, без взлома. У двоих — хозяина и приказчика — ключи старые, подлинные, какими им и надлежит быть. У третьего, Гримсби, ключ свежий, новенький, то есть тайно изготовленный дубликат, выданный за подлинный. Лишь у него одного оказалась на руках свежая копия ключа от сейфа. Кому, как не владельцу этой копии, она и послужила, чтобы отпереть сейф и забрать

жалованье? Мотив выясним отдельно — должно быть, долги или нужда, как водится, — но виновный ясен без всякого мотива: его изобличает блеск металла.

Под спокойным, неотступным взглядом инспектора Гримсби сперва ещё пытался держаться надменно, твердя, что ключ-де у него всегда был такой, что он-де недавно его чистил, оттого и блестит. Но стоило Вэйну ровным голосом предложить ему объяснить, отчего же ключи хозяина и приказчика, открывающие тот же самый сейф столько же лет, потемнели и сточились, а его ключ один остался свеж, остёр и со следами напильника, словно только что из мастерской, — кассир сник, побледнел и умолк. А когда инспектор прибавил, что не составит труда обойти всех слесарей Грейпорта, способных выточить ключ к особому замку, и сыскать того, кто на днях исполнял такой заказ, — Гримсби окончательно сдался и сознался. Подлинный свой ключ он, как и предполагал Вэйн, надёжно припрятал дома, а пользовался для кражи дубликатом — да перепутал, замысловато перемудрив, и принёс на осмотр именно копию. Похищенное жалованье отыскалось у него на квартире, в тайнике за каминной кладкой. Оказалось, кассир увяз в карточных долгах и решил поправить дела за

счёт чужого жалованья, рассчитывая, что подозрение разделится на троих, а его «нетронутый» ключ выведет его из-под удара.

Служащие торгового дома получили назад своё жалова-

нье, а господин Марлоу, поначалу не веривший, что вора можно изобличить, разглядывая какие-то ключи, был поражён до глубины души.

— Запомните и этот урок, мой друг, — сказал Вэйн на прощание, спускаясь по широкой лестнице. — Здесь сошлись два наших правила. Первое: когда круг подозреваемых узок и определён — скажем, тремя держателями ключей, — не мечитесь по всему городу в поисках мифического чужака, а внимательно рассмотрите этих троих и ищите, что отличает одного от прочих. Вор всегда чем-то да выделяется. Второе, и главное: вещь хранит память о своём возрасте и службе так же верно, как зонтик хранит память о дожде. Старый ключ темнеет и стирается, новый блестит и остр. Подлинник несёт печать своих лет, подделка — свежесть напильника.

Инспектор приостановился у дверей.

— Гримсби думал, что подсунуть нам «свой» ключ — верх предусмотрительности, что целый, при нём сохранённый ключ снимет с него всякое подозрение. Но он не учёл, что ключ этот заговорит сам, без свидетелей: своим свежим блеском он объявит, что рождён неделю назад, а не годы назад, как подобало бы подлинному. Преступник может солгать языком, может соорудить надменное лицо, может клясться, что ничего не выпускал из рук, — но он не властен ни состарить новенький металл, ни заставить старый ключ блестеть, как новый. Металл не лжёт, мой друг. Лгут

только люди — а блеск свежей бородки выдаёт подделку вернее всякого признания.

Так вы усвоили восьмой урок инспектора Вэйна: когда подозреваемых немного и все они равно могли совершить преступление, ищите ту единственную вещь, что не вяжется с чьим-то рассказом. Гримсби уверял, что предъявляет свой давний ключ, — а ключ был свеж, как утренняя роса. И в этом несоответствии между словом «давний» и видом «новенький» утонула вся его ложь, как утонула прежде ложь племянника о сломанном замке и ложь щёголя о сухом зонте. Подлинное всегда несёт на себе следы времени; подделка всегда слишком нова. Научитесь различать возраст вещей — и ни один поддельный ключ не отопрёт перед вами дверцы лжи.

Загадка №9. Украденный пирог

Денёк выдался на редкость погожий, и туман отступил к самой воде, открыв солнцу черепичные крыши Грейпорта. В такой-то ясный полдень инспектора Вэйна, а с ним и вас, мой друг, занесло дело самое что ни на есть домашнее — иные сыщики и нос бы воротили от подобной мелочи, но Вэйн, по обыкновению своему, говорил, что в малом видна та же логика, что и в большом.

— Случай пустячный, но забавный, — посмеивался инспектор, шагая по Пекарной улице. — Госпожа Доркинс, известная на весь квартал стряпуха, испекла к ярмарке свой знаменитый вишнёвый пирог. Поставила остывать на подоконник в кухне, отлучилась на час по делам, а вернувшись, нашла пирог исчезнувшим — съеденным подчистую. Подозреваемых трое, все домочадцы, и каждый божится, что и крошки в рот не брал. А мы с вами рассудим, кто лакомка.

В тесной, пропахшей корицей кухне их встретила раскрасневшаяся госпожа Доркинс, всплёскивая пухлыми руками. На широком подоконнике, где прежде красовался пирог, осталось лишь пустое блюдо да россыпь крошек. Само окно было приоткрыто на ладонь.

— Целый пирог, господин инспектор! — причитала хозяйка. — С вишней, с румяной корочкой! Я отошла к зеленщику, всего на час, а как воротилась — нет ничего, одни

крошки да косточки вишнёвые на блюде! И ведь съели тут же, на месте, не унесли — вон сколько косточек выплюнуто да корки, обглоданной по краям.

Вэйн оглядел блюдо. И впрямь — кучка вишнёвых косточек, обглоданные крохи теста, липкие багровые потёки засохшего вишнёвого сока на блюде, на подоконнике и даже несколько капель на полу. Кто-то ел жадно, торопливо, перепачкавшись вишнёвой начинкой с головы до ног.

— Кто был дома, пока вы отлучались? — спросил инспектор.

— Трое, — принялась загибать пальцы хозяйка. — Сын мой, Бобби, сорванец десяти лет. Жилец наш, господин Криди, что комнату наверху снимает. Да золовка моя, Эстер, она шила в гостиной. Я их всех уж допросила — всё без толку, всяк своё твердит!

Первым ввели мальчишку Бобби. Он глядел исподлобья, шмыгал носом и упрямо мотал головой.

— Не я это, мамаша! Я во дворе в мяч гонял, во-от с этими ребятами, спроси кого хошь! К пирогу и не подходил!

И верно — руки и щёки сорванца были перепачканы уличной пылью да зеленью от травы, но ни вишнёвого сока, ни крошек теста на нём вы не заметили.

Следом спустился жилец, господин Криди — бледный, чопорный господин с вечным насморком, обмотанный шарфом по самые уши.

— Помилуйте, какой пирог, — прогнусавил он, шумно

сморкаясь в платок. — У меня третий день голова не варит, нос заложен, ни вкуса, ни запаха не чую вовсе. Весь день у себя наверху просидел за бумагами. Вниз и не спустился.

Последней вошла золовка Эстер — сухопарая, чинная особа в наглухо застёгнутом платье, с шитьём в руках.

— Я сидела в гостиной за рукоделием, инспектор, — поджала она губы. — Ни на шаг не отлучалась, целый час подрубала вот эту скатерть. Пирога и в глаза не видела. Извольте, вот моя работа — почти закончила.

Вэйн неторопливо оглядел всех троих, а затем перевёл взгляд на руки Эстер — на её пальцы и на ту белую скатерть, что она держала. После чего обернулся к вам и заговорил вполголоса.

— Любопытно, мой друг. Заметьте, какова была начинка нашего пирога. Вишнёвая. А вишня, как известно всякому, кто хоть раз ел её горстью, оставляет на пальцах, на губах, на всём, к чему прикоснёшься, яркий багровый сок, который так просто не оттереть — въедается в кожу, под ногти, в ткань. Тот, кто ел этот пирог руками, торопясь, выплёвывая косточки, неминуемо перепачкался бы вишнёвым соком. Это не пыль, что стряхнёшь, не крошка, что смахнёшь, — это стойкое багровое пятно.

Инспектор кивнул на мальчишку.

— Бобби перепачкан уличной пылью и травяной зеленью, как и подобает сорванцу, гонявшему мяч во дворе. Но вишнёвого сока на нём нет ни пятнышка. Господин Криди уве-

ряет, что ничего не чует от насморка, — что ж, проверить это мудрено, но и на нём, и на его платке я не вижу багровых следов. А вот извольте взглянуть на пальцы госпожи Эстер да на краешек её белоснежной скатерти.

Вы пригляделись — и увидели то, что заметил инспектор. На указательном и большом пальцах правой руки чинной Эстер темнели несведённые багровые пятнышки, въевшиеся в кожу у ногтей. А на белой скатерти, которую она с таким достоинством держала, у самого края, виднелся смазанный розоватый отпечаток — там, где она, видно, машинально вытерла липкие пальцы, прежде чем взяться за иглу.

Госпожа Эстер, проследив за взглядом инспектора, вдруг поспешно спрятала руки в складки скатерти и поджала губы ещё плотнее. А инспектор Вэйн, по своему всегдашнему обыкновению, обернулся к вам и предоставил сделать вывод самостоятельно.

Итак, мой друг, перед вами девятая загадка — пусть и пустячная на вид, да поучительная. Пирог был вишнёвый, и тот, кто съел его руками, торопясь и выплёвывая косточки, непременно вымазался бы стойким багровым соком, что въедается в кожу и ткань и так просто не сходит. Подозреваемых трое, и каждый твердит о своей невинности. Но мальчишка перепачкан лишь уличной пылью да травой; на жильце с его платком нет ни следа багрянца; а вот у чинной золовки Эстер пальцы в несведённых вишнёвых пятнах, да и на её белоснежной скатерти алеет смазанный розоватый от-

печаток.

О чём говорят вам эти багровые пятна на пальцах? Может ли человек, и крошки не бравший в рот, перепачкать пальцы стойким вишнёвым соком? Отчего же тот, кто громче всех твердит о своём рукоделии и о том, что пирога в глаза не видел, носит на руках несмываемую метку этого самого пирога? И отчего на белой скатерти, символе её невинного занятия, проступил предательский розовый след?

Вспомните уроки прежних дел: вещь хранит память о том, к чему прикасалась, вернее всякого свидетеля. Грязь садовника говорит одно, сухой зонт — другое, а вишнёвый сок на пальцах — третье. Тот, кто отрицает, что ел пирог, но носит на себе его несмываемый след, изобличён вернее любого признания.

Кто же похитил и съел знаменитый пирог госпожи Доркинс? И почему багровые пятна вишнёвого сока выдали лачмку вернее всяких слов?

Истина, как всегда, у вас перед глазами. Нужно лишь уметь её увидеть — даже на кончиках чинно сложенных пальцев в солнечном полдне Грейпорта.

Ответ к Загадке №9. Украденный пирог

Знаменитый вишнёвый пирог госпожи Доркинс похитила и съела чинная золовка Эстер — та самая, что с поджатыми губами уверяла, будто целый час не отрывалась от рукоделия и пирога в глаза не видела. А выдал её, как верно подметил инспектор Вэйн, не свидетель и не оговорка, а сам пирог — точнее, его несмываемый багровый сок, въевшийся в кожу её пальцев и оставивший розоватый отпечаток на белой ска-терти. Эстер могла отрицать что угодно, но вишня заговори-ла за неё громче всякого признания.

Давайте проследим за рассуждениями инспектора Вэйна шаг за шагом, ибо это дело — пусть и пустячное на вид — есть чистейший образец того, как немая улика изобличает лжеца.

— Начнём с природы самого пирога, мой друг, — гово-рил Вэйн вполголоса, отойдя к окну. — Всякое преступле-ние оставляет след, сообразный своей природе. Пирог был вишнёвый, а вишня, как ведомо всякому, кто хоть раз лако-мился ею, оставляет по себе яркий, стойкий багровый сок. Он въедается в кожу, забивается под ногти, пятнает губы и ткань, и оттереть его наспех невозможно — нужно тереть и мыть, да и то след держится. Это вам не пыль, что стряхнёшь рукавом, и не крошка, что смахнёшь со стола. Это печать,

метка, которую сам пирог ставит на том, кто его ел.

Инспектор поднял палец.

— А теперь припомните, как именно был съеден пирог. Не унесён, не отрезан чинным ломтиком на тарелочку — а сожран на месте, руками, торопливо, с выплёвыванием косточек и обглаживанием корки. Так ест человек жадный и спешащий, боящийся, что вот-вот вернётся хозяйка. И такой едок неминуемо перепачкался бы вишнёвым соком — пальцы, ладони, быть может, и губы. Стало быть, на руках истинного лакомки мы должны искать багровые следы. Это наш ключ, мой друг: не слова, а пятна.

Вэйн обвёл взглядом троих подозреваемых.

— Рассудим теперь о каждом. Мальчишка Бобби перепачкан с головы до ног — но чем? Уличной пылью да зеленью от травы, как и подобает сорванцу, что гонял мяч во дворе. Грязь на нём есть, спору нет, но это грязь его игр, а вовсе не вишнёвый сок. Вспомните садовника Тома: его сапоги были в грязи всего сада, и эта грязь ровным счётом ничего не доказывала, ибо была естественной для его занятия. Так и пыль Бобби — естественная пыль уличного мальчишки, и багрянца вишни среди неё нет ни пятнышка. К тому же, по его словам, во дворе с ним были товарищи — алиби, которое нетрудно проверить.

Инспектор кивнул наверх, в сторону комнаты жильца.

— Господин Криди уверяет, что от насморка не чувствует ни вкуса, ни запаха, и весь день просидел наверху. Чует он или

нет — проверить мудрено, тут он мог бы и схитрить. Но нас интересует не его нос, а его руки и платок. И на них — ни следа вишни, ни единого багрового пятнышка. Будь он нашим лакомкой, сок выдал бы его так же, как любого другого, ибо вишня не разбирает, заложен у едока нос или нет, — пятна она оставляет всем равно. Платок чист от багрянца, руки чисты. Стало быть, и он ни при чём.

Вэйн понизил голос.

— И вот мы подходим к чинной госпоже Эстер. Что говорит она? Что целый час не вставала с места, прилежно подрубалала скатерть, а пирога и в глаза не видела. Слова безупречные, поведение благонравное. Но взгляните на её пальцы — на указательный и большой правой руки. Что вы там видите?

— Багровые пятнышки, — ответили вы. — Несведённые, въевшиеся у самых ногтей.

— Именно. Вишнёвый сок. Тот самый стойкий багрянец, что оставляет лишь вишня и ничто иное. Откуда ему взяться на пальцах женщины, которая, по её клятве, и близко не подходила к пирогу? Шитьём белой скатерти таких пятен не наживёшь. Чаем их не насадишь. Это след вишни, и только вишни. А коли на её пальцах вишнёвый сок — значит, руки её были в вишне; а коли руки были в вишне — значит, она ела вишнёвый пирог, как бы упорно ни твердила обратное. Её собственные пальцы изобличают её ложь.

Инспектор указал на белую скатерть.

— И в довершение — взгляните на её рукоделие, на тот

самый символ её мнимой невинности. У края белоснежной скатерти алеет смазанный розоватый отпечаток. Что это, как не след липких от сока пальцев, которые она машинально, по привычке хозяйки, обтёрла о ткань, прежде чем вновь взяться за иглу? Она так старалась предъявить нам своё прилежное шитьё как доказательство, что не отлучалась, — а это самое шитьё и приняло на себя улику её преступления. Помните щёголя с сухим зонтом: он тоже предъявлял зонт как знак невинности, а зонт его и выдал. Так и здесь — скатерть, которой Эстер прикрывалась, обернулась против неё.

Вэйн сложил руки за спиной.

— Сведём всё воедино. Тот, кто ел вишнёвый пирог руками, неминуемо перепачкался бы стойким багровым соком. На Бобби — лишь уличная пыль, на Криди и его платке — ни следа вишни. И только на пальцах Эстер темнеют несведённые вишнёвые пятна, а на её скатерти алеет розовый отпечаток. Из троих лишь она носит на себе несмываемую метку пирога. Стало быть, она и есть наш лакомка — та, что в одиночестве, пока хозяйка отлучилась к зеленщику, придвинула к подоконнику стул или просто дотянулась, да и уплела пирог подчистую, выплёвывая косточки, а после как ни в чём не бывало уселась за рукоделие, понадеявшись, что чинный вид и прилежная игла отведут от неё всякое подозрение.

Под спокойным, неотступным взглядом инспектора Эстер сперва ещё поджимала губы и твердила, что пятна-де от ягод, что она утром-де перебирала вишню для варенья. Но стои-

ло Вэйн у ровным голосом заметить, что свежий, не до конца засохший сок на пальцах никак не вяжется с утренней вознѣй, да предложить ей объяснить, отчего же тот же самый багрянец отпечатался на скатерти, которую она шила будто бы весь час, не вставая, — чинная особа сникла, залилась краской и созналась. Пирог она и впрямь съела, не утерпев перед любимым лакомством, а ела жадно и тайком, оттого и перепачкалась, оттого и косточки на блюде, оттого и пятна, которые она впопыхах обтёрла о подвернувшуюся скатерть.

Госпожа Доркинс, хоть и осталась без своего ярмарочного пирога, была донельзя довольна, что виновница сыскалась, а напраслина не пала ни на сынишку, ни на жильца.

— Запомните и этот урок, мой друг, — сказал Вэйн на прощание, выходя на солнечную Пекарную улицу. — Дело это ничтожно по предмету — подумаешь, пирог! — но безупречно по своей логике, и оттого поучительно. Всякое деяние оставляет след, сродный своей природе. Грязный двор оставляет грязь на сапогах. Дождь оставляет влагу на зонте. А вишнёвый пирог оставляет багровый сок на пальцах того, кто его ел. Преступник может сколько угодно отрицать, может соорудить самое благодетельное лицо, может прикрыться рукоделием и клятвами — но он не властен стереть со своей кожи ту метку, что поставило на нём само деяние.

Инспектор приостановился.

— И заметьте ещё одну тонкость. Эстер не просто перепачкалась — она перепачкалась тем самым, что выдавало

именно её преступление. Будь у неё на руках чернила — это говорило бы, что она писала. Будь мука — что стряпала. Но на руках был вишнёвый сок, а пропал именно вишнёвый пирог. Улика совпала с преступлением, как ключ с замком. Вот чему учитесь: ищите на человеке не любую грязь, а ту, что отвечает существу дела. Пыль мальчишки не отвечала пирогу — и оправдала его. Сок на пальцах Эстер отвечал пирогу в точности — и осудил её.

Так вы усвоили девятый урок инспектора Вэйна: всякое преступление метит своего исполнителя следом, родственным самому преступлению, и метка эта держится крепче всякой лжи. Слушайте, что говорят подозреваемые, но смотрите на их руки, на их платье, на вещи, к которым они прикасались. Вишнёвый сок не смоешь чинными словами; багровое пятно у ногтя громче кричит «это сделала я», нежели любое заpiresательство шепчет «я ни при чём». Подлинная невинность чиста от следов содеянного; вина же носит свою улику на себе — нужно лишь не лениться приглядеться.

Загадка №10. Странное письмо

Промозглый ветер с моря гнал по улицам Грейпорта ключья тумана, когда инспектора Вэйна, а с ним и вас, мой друг, призвали в строгий, обшитый дубом кабинет господина Эбнезера Прайса — старого, прижимистого ростовщика, что доживал свой век в одиночестве на тихой Грошовой улице. Дело было не о краже и не о взломе, а о вещи куда более тонкой — о письме.

— Случай прелюбопытный, — говорил Вэйн, постукивая тростью по сырой брусчатке. — Старик Прайс получил нынче поутру письмо, в котором его покойный, как все полагали, должник, некий моряк по прозвищу Долговязый Сэм, просит об отсрочке и грозит бедами, ежели старик станет давить. Письмо будто бы от живого человека, помеченное вчерашним числом. А между тем по всему Грейпорту третий месяц толкуют, что Долговязый Сэм утонул при кораблекрушении. Прайс в смятении: то ли должник жив и явится за долгом, то ли кто-то ведёт с ним хитрую игру. Послушаем да поглядим на само письмо.

В кабинете их встретил сам господин Прайс — сухой, желтолицый старик с цепким взглядом, кутавшийся в потёртый халат. Дрожащей рукой он протянул инспектору лист бумаги.

— Вот оно, господин инспектор! — проскрипел он. — По-

черк Сэмов, я его руку знаю — он мне не одну расписку писал. И помечено вчерашним днём. Стало быть, жив, мерзавец, жив и денег не отдаёт! А я-то его уж было со счетов списал, когда прошёл слух, что он потонул!

Вэйн взял письмо и принялся разглядывать его с той неторопливой обстоятельностью, какую вы привыкли в нём узнавать. Он повертел лист к свету из окна, провёл пальцем по строчкам, понюхал бумагу, изучил сгибы и поля. Письмо и впрямь было помечено вчерашним числом и написано уверенной рукой.

Затем инспектор отложил письмо и принялся расспрашивать о тех, кто бывал в доме старика и кому могло быть выгодно его смятение.

Первым он помянул племянника Прайса — некоего Хьюго, единственного наследника, что вечно нуждался в деньгах и не раз намекал дядюшке, не пора ли тому подумать о завещании. Хьюго, как выяснилось, как раз гостил у дяди эту неделю и имел свободный доступ в кабинет.

Затем — служанку Молли, что прибиралась в доме и носила старику почту с утренней доставки.

И, наконец, самого должника — Долговязого Сэма, буде он и вправду остался жив.

Вэйн снова взял письмо, поднёс его к свету и поманил вас ближе.

— Взгляните-ка, мой друг, на бумагу, на которой писано это послание. И на чернила. О чём они вам говорят?

Вы пригляделись. Бумага была плотной, добротной, с водяными знаками — такую держат в порядочных конторах, а вовсе не та грубая, дешёвая, какую пробавляются моряки да портовый люд. Чернила же были насыщенно-чёрные, ровные, без единой кляксы или потёка — какими пишут за хорошим столом, при добром освещении, неспешно макая перо.

— А теперь, — продолжал Вэйн, — припомните, кем был наш Долговязый Сэм и где он провёл последние свои дни. Моряк. Человек портовый, грубый, неимущий — оттого и в долгах у ростовщика. Письмо его, ежели бы он и впрямь его писал, было бы нацарапано на чём придётся — на обрывке, на дешёвом листке, торопливой матросской рукой, чернилами жидкими да расплывшимися, а то и вовсе карандашом. А что мы видим? Дорогую конторскую бумагу с водяными знаками и чёрные, аккуратные чернила, какими пишут за солидным письменным столом. Скажите на милость, откуда у утопшего матроса этакая роскошь? И откуда у него столь твёрдая, ровная рука, что выводит строчку к строчке без единой помарки, словно человек писал не в спешке и страхе, а покойно, с расстановкой?

Инспектор перевернул лист.

— И ещё одно. Заметьте сгибы. Письмо это, по словам старика, пришло нынче поутру с почтой. Но где же на нём след почтовой пересылки — где складки от конверта, где помятость, где почтовая пометка или хоть какой знак, что лист

побывал в дороге? Бумага свежа и чиста, будто её и не отправляли вовсе, а просто положили на стол. Да и сложено письмо не так, как складывают, чтобы вложить в дорожный конверт, а небрежно, словно второпях сунули в первый попавшийся.

Вэйн постучал пальцем по дате в углу листа.

— Помечено вчерашним числом — да только пометить можно любое число, хоть прошлогоднее. Дата на бумаге не ляжет лишь тогда, когда всё прочее ей не противоречит. А здесь всё прочее кричит об обратном: дорогая бумага вместо матросской, твёрдая рука вместо торопливой, чистый лист вместо мятого почтового. Письмо это писал не утопший бедняк-моряк где-то в плавании, а человек состоятельный, грамотный, неспешный — и писал его здесь, под боком, а вовсе не слал издалека.

Господин Прайс, слушая это, всё больше мрачнел, а взгляд его невольно скользнул к двери, за которой, как вы знали, расположился гостивший племянник Хьюго. Инспектор Вэйн, по своему всегдашнему обыкновению, обернулся к вам и предоставил сделать вывод самостоятельно.

Итак, мой друг, перед вами десятая загадка. Письмо будто бы прислано утонувшим должником-моряком, помечено вчерашним числом и написано знакомым старику почерком. Но писано оно на дорогой конторской бумаге с водяными знаками, ровными чёрными чернилами, твёрдой неспешной рукой — и без единого следа почтовой пересылки.

О чём говорит вам эта бумага и эти чернила? Мог ли неимуший моряк, к тому же якобы писавший в плавании или бегах, раздобыть дорогой конторский лист и писать за солидным столом ровными строчками без помарок? И о чём говорит чистый, не помятый лист без почтовых складок — приходило ли это письмо издалека по почте, как уверяют, или его попросту подложили старику дома?

Вспомните уроки прежних дел: вещь должна соответствовать той истории, что вам рассказывают. Сухой зонт выдал того, кто не шёл под дождём; новенький ключ выдал подделку; а дорогая бумага в руке утопшего бедняка выдаёт, что письмо писал вовсе не он. Если послание не вяжется ни с сочинителем, ни со способом доставки — стало быть, и сочинитель, и доставка вымышлены.

Кто же на самом деле написал это странное письмо? И кому было выгодно убедить старого ростовщика, будто его должник жив, а вокруг плетётся угроза?

Истина, как всегда, у вас перед глазами. Нужно лишь уметь её увидеть — даже в нескольких ровных строчках на дорогой бумаге в туманном кабинете Грейпорта.

Ответ к Загадке №10. Странное письмо

Странное письмо написал племянник Хьюго — единственный наследник старого Прайса, что вечно сидел без денег и гостил в эти дни под самой дядюшкиной крышей. Никакого живого Долговязого Сэма не было: моряк и впрямь погиб при кораблекрушении, а письмо «от него» Хьюго состряпал сам, подделав знакомый почерк, и подложил дядюшке, выдав за пришедшее с почтой. А изобличили подделку три безмолвных свидетеля: дорогая конторская бумага, неуместная в руке утопшего бедняка; твёрдая, неспешная рука вместо торопливой матросской; и чистый лист без единого следа почтовой пересылки.

Давайте проследим за рассуждениями инспектора Вэйна шаг за шагом, ибо это дело — прекрасный пример того, как сам предмет изобличает лжеца не словом, а своим существом.

— Начнём с того, мой друг, — говорил Вэйн вполголоса, разглаживая письмо на столе, — что всякая вещь должна соответствовать той истории, какую о ней рассказывают. Этому учили нас и сухой зонт, и новенький ключ. Зонт, выданный за мокшего под ливнем, оказался сух; ключ, выданный за многолетний, оказался свеж. И всякий раз несоответствие предмета рассказу изобличало ложь. Здесь перед нами та же

песня, только на новый лад. Нам говорят: это письмо написал Долговязый Сэм, бедняк-моряк, либо чудом спасшийся, либо тайно скрывающийся. Прекрасно. Спросим же: соответствует ли само письмо такому сочинителю?

Инспектор поднял палец.

— Кем был Сэм? Человеком портовым, грубым, неимущим — оттого и в долгах у ростовщика, оттого и расписки писал. Какое письмо вышло бы из-под руки такого человека, да ещё в нужде, в бегах или на корабле? Письмо на чём придётся — на обрывке, на серой дешёвой бумаге, какую покупают за грош. Письмо, нацарапанное наспех, торопливой, привычной к канату, а не к перу рукой, чернилами жидкими, расплывшимися, с кляксами, а то и вовсе карандашом. Таково было бы подлинное послание бедняка. А что лежит перед нами?

— Плотная, добротная бумага с водяными знаками, — ответили вы. — И ровные чёрные чернила, без единой кляксы.

— Именно, — кивнул Вэйн. — Бумага из тех, что держат в порядочных конторах да в кабинетах состоятельных людей, — недешёвая, с водяными знаками. И чернила густые, чёрные, ровные, какими пишут не на коленке, а за хорошим столом, при добром свете, неторопливо макая перо. Откуда у утопшего нищего матроса этакая роскошь? Это первое несоответствие, и оно кричит о подлоге: бумага и чернила выдают человека не бедного, а достаточного, и писавшего не в дороге, а в покое, за солидным столом.

Вэйн провёл пальцем по строчкам.

— Второе несоответствие — самая рука. Взгляните, как выведены строки: твёрдо, ровно, строчка к строчке, без единой помарки, без дрожи, без спешки. Так пишет человек спокойный, грамотный, не ведающий ни страха, ни торопливости. А ведь нам толкуют, будто письмо это писал должник в отчаянном положении — то ли спасшийся в кораблекрушении, то ли скрывающийся от кредиторов, молящий об отсрочке, да ещё и угрожающий. Где же тут спешка беглеца, где дрожь руки утопающего, где сбивчивость загнанного человека? Их нет. Рука письма — рука сытая и спокойная. Это рука не Сэма.

Инспектор перевернул лист.

— И третье, мой друг, самое верное — то, чего на письме нет. Помните наш урок из дела Голсуорти: ищите не только то, что есть, но и то, чего быть должно, да отчего-то отсутствует. Старик уверяет, что письмо пришло нынче поутру с почтой. Но почта оставляет на письме свои следы так же неминуемо, как дождь — влагу на зонте. Где складки от вложения в конверт? Где помятость от дороги, где почтовая пометка, где хоть малейший знак, что лист странствовал и побывал в чужих руках? Бумага свежа и чиста, будто её и не отправляли вовсе. Письмо, прошедшее почту, так не выглядит. А коли нет следов пересылки — значит, письмо и не пересылали. Его попросту положили старику на стол здесь, в доме, и выдали за пришедшее издалека.

Вэйн сложил руки за спиной.

— Сведём всё воедино. Письмо писал человек состоятельный — о том говорит дорогая бумага. Человек спокойный и грамотный — о том говорит твёрдая, неспешная рука. Человек, бывший рядом, в самом доме, — о том говорит отсутствие почтовых следов. Это никак не утопший бедняк-моряк откуда-то издалека. Это кто-то здешний, близкий, у кого под рукою и хорошая бумага, и досуг писать без спешки, и возможность подложить письмо незаметно. Остаётся спросить: кому всё это было на руку, и кто умел подделать почерк Сэма?

Инспектор кивнул в сторону двери, за которой притаился племянник.

— Переберём тех, кто вхож в дом. Служанка Молли носит почту, но какой ей прок воскрешать давнего должника да разыгрывать угрозы? Ни мотива, ни выгоды. Сам Долговязый Сэм мёртв — он отпадает, да и письмо его выдаёт за чужое. А вот племянник Хьюго — единственный наследник, человек, по словам самого старика, вечно сидящий без денег и заглядывающийся на дядюшкино завещание, — он гостит в доме как раз эти дни и имеет свободный доступ в кабинет. У него и бумага под рукою, и время писать спокойно, и возможность подложить письмо, и, главное, мотив. Образцы почерка Сэма — те самые расписки — хранятся у ростовщика в кабинете, куда Хьюго вхож; с них-то он и срисовал руку покойного.

Вы спросили: но к чему весь этот хитрый розыгрыш с воскресшим должником? Инспектор предугадал вопрос.

— О, замысел тут тонкий, — ответил Вэйн. — Хьюго ждёт наследства, но дядя крепок и прижимист, а денег племяннику нужно теперь же. Что он затевает? Воскресить в глазах старика грозного должника. Письмо твердит: Сэм жив, требует отсрочки, угрожает бедами. Старик встревожен, напуган, выбит из колеи. На таком смятении можно сыграть по-разному: выманить у перепуганного дядюшки деньги якобы на защиту или на откуп; вытянуть из него признание, где спрятаны ценности; подтолкнуть больное сердце скряги к удару; а то и подготовить почву, чтобы свалить будущее злодеяние на «вернувшегося мстителя-моряка». Какую бы из этих целей он ни лелеял, корень один: запугать старика призраком ожившего долга. И первый шаг к этому — подложное письмо.

Под спокойным, неотступным взглядом инспектора, когда Хьюго был призван в кабинет, племянник сперва ещё сопротивлялся: мол, почерк-то Сэмов, всякий узнает, мол, выходит, моряк и впрямь жив. Но стоило Вэйну ровным голосом спросить, отчего же утопший бедняк пишет на дорогой конторской бумаге дядюшкиного сорта, отчего рука его тверда и покойна, как у человека за уютным столом, и отчего на письме, якобы пропутешествовавшем с почтой, нет ни складки, ни помятости, ни почтовой пометки, — щёголь побледнел, сбился и умолк. А когда инспектор прибавил, что довольно

сличить бумагу письма с листами в дядюшкином бюро да сверить руку с расписками Сэма, хранящимися тут же, — Хьюго окончательно сник и сознался. Он и впрямь, прознав о гибели моряка, решил воспользоваться его именем: срисовал почерк с расписок, написал угрожающее письмо на дядюшкиной же бумаге и подложил его утром, надеясь запугать старика и под шумок поправить свои дела. Долговязый Сэм, как и говорила вся гавань, давно покоился на дне.

Старый Прайс, хоть и был потрясён предательством единственного наследника, вздохнул с облегчением: мёртвый должник не явится за долгом, а живой интриган отныне был ему ясен как на ладони.

— Запомните и этот урок, мой друг, — сказал Вэйн на прощание, выходя в туман Грошовой улицы. — Слова на бумаге можно подделать — почерк, дату, содержание. Но саму бумагу, чернила, состояние листа подделать куда труднее, ибо они говорят помимо воли сочинителя. Спрашивайте всегда: кто, по уверению, написал это послание, и мог ли такой человек писать на такой бумаге, такой рукой, в таких обстоятельствах? Бедняк не пишет на дорогой бумаге; беглец не выводит ровных строк; письмо с почты не бывает чистым, как лист из-под пресса. Несоответствие предмета рассказу — вот ваша путеводная нить.

Инспектор приподнял воротник.

— И заметьте, как складно эти три приметы — бумага, рука и отсутствие почтовых следов — указали разом на одно:

писал не Сэм, писал человек здешний и достаточный. Подделать чужой почерк Хьюго сумел, а вот придать письму вид подлинного послания бедняка-моряка с того света — не сумел, ибо для этого пришлось бы добыть и грубую бумагу, и сменить твёрдую руку на дрожащую, и провести лист через почту. Он подделал то, что бросается в глаза, — буквы, — и проглядел то, что говорит без слов, — самое вещество письма.

Так вы усвоили десятый урок инспектора Вэйна: подделывая документ, лжец думает о словах и почерке, но забывает о бумаге, чернилах и следах пути. Письмо лжёт устами того, кого изображает; но материя, на которой оно писано, верна лишь своему истинному творцу. Научитесь читать не только то, что написано, но и на чём, чем и как написано, — и ни одно подложное послание не проведёт вас, даже если выведено самым искусным подражанием чужой руке.

Загадка №11. Мокрый плащ

Ненастье обрушилось на Грейпорт под вечер, и к ночи разыгралась настоящая буря: дождь хлестал косыми струями, ветер гнул фонарные столбы, а водостоки захлёбывались мутными потоками. В такую-то непогоду инспектора Вэйна, а с ним и вас, мой друг, подняли с тёплого места и вызвали в особняк покойного — увы, теперь уже покойного — господина Ансельма Хоторна, богатого коллекционера старинных монет, что жил на отшибе, в конце Приморского бульвара.

— Дело нынче серьезнее прежних, — негромко проговорил Вэйн, пока их экипаж катил сквозь ливень. — Хозяина нашли в его кабинете без признаков жизни, а драгоценная коллекция золотых монет исчезла из шкафа. Похоже на ограбление, окончившееся скверно. В доме нынче ночевали трое, и каждый, разумеется, твердит, что всю бурю провёл под крышей и носа на улицу не казал. Послушаем да приглядимся.

В прихожей особняка, где ещё пахло сыростью и потухшим камином, их встретил дворецкий — и трое обитателей дома, бледные и встревоженные. Кабинет на первом этаже являл картину разгрома: шкаф для монет распахнут и пуст, бумаги разбросаны, окно, выходящее в сад, закрыто, но не заперто.

— Коллекцию хранили в этом шкафу, — пояснил дворец-

кий. — Хозяин не доверял банкам. А нынче вечером, как разразилась буря, он заперся в кабинете один и велел не беспокоить.

Вэйн оглядел троих. То были: племянник покойного, господин Реджинальд, нервный молодой человек, теревивший манжеты; домоправительница, госпожа Хоуп, сухая дама в тёмном; и секретарь хозяина, господин Лэнг, статный мужчина с гладко зачёсанными волосами.

— Прежде всего, — спокойно произнёс инспектор, — пусть каждый скажет, где провёл нынешний вечер и ночь, покуда длилась буря.

Племянник Реджинальд, заикаясь, сказал, что весь вечер просидел у себя в комнате наверху с книгой и вниз не спускался. Домоправительница заявила, что прибиралась в людской да рано легла, а из дому в эдакое ненастье и шагу не ступала. Секретарь же, господин Лэнг, держался спокойнее прочих.

— Я весь вечер провёл в библиотеке, разбирая бумаги хозяина, — ровно сказал он. — На улицу не выходил вовсе — да и кто бы вышел в такую бурю? Сами слышите, что творится за окнами.

Вэйн неторопливо прошёлся по прихожей. Взгляд его задержался на вешалке у дверей, где висела верхняя одежда обитателей дома. Он коснулся одного плаща, другого, третьего — и вдруг остановился. Затем поманил вас ближе и заговорил вполголоса.

— Любопытно, мой друг. Все трое в один голос уверяют, что носа на улицу не казали, и оно понятно — буря такая, что и собаку не выгонишь. А коли никто не выходил, то и вся верхняя одежда на этой вешалке должна быть сухой, не правда ли? Тот, кто весь вечер просидел в тепле, не намочит своего плаща.

Инспектор по очереди тронул плащи.

— Вот плащ госпожи Хоуп — сухой насквозь. Вот пальто молодого Реджинальда — сухое, и пылью слегка подёрнуто, давно не надевали. А вот, извольте, плащ господина Лэнга. Потрогайте его сами.

Вы протянули руку. Плащ секретаря был влажным — тяжёлым от впитавшейся воды, холодным на ощупь, а с подола ещё капало на пол, и под вешалкой натекала небольшая лужица. От ткани веяло сыростью и уличной прохладой, будто его сняли совсем недавно, придя с улицы.

— Мокрый, — тихо сказали вы.

— Мокрый, — кивнул Вэйн. — Промокший до нитки, тяжёлый от воды, и капает с него ещё свежо. А ведь буря бушует уже не первый час. Скажите на милость: откуда взяться мокрому плащу у человека, который, по его же словам, весь вечер не вставал из библиотечного кресла и на улицу не выходил вовсе? Сухой плащ не намочнет сам собою в тёплой комнате. Вода на нём — дождевая, уличная. Стало быть, господин Лэнг лжёт: он выходил наружу, и выходил под этот самый ливень, причём не так давно — иначе плащ успел бы

обсохнуть.

Инспектор сложил руки за спиной и оглядел разорённый кабинет, распахнутый шкаф, неплотно прикрытое окно в сад.

— А теперь сопоставим. Хозяин заперся в кабинете один. Коллекция исчезла. Окно в сад прикрыто, но не заперто — будто кто-то выходил через него или возвращался. И при этом единственный из домочадцев, чей плащ промок под дождём, уверяет, будто весь вечер просидел в сухом тепле. Зачем человеку лгать, что он не выходил, если только выход этот не связан с тем, что случилось нынче в кабинете? Тот, кто выбирался под бурю — быть может, чтобы спрятать коллекцию в саду, в сарае или передать сообщнику за оградой, — а после вернулся и повесил выдавший его плащ на общую вешалку, и есть наш человек.

Господин Лэнг под этими словами заметно побледнел, гладкая невозмутимость сползла с его лица, и он принялся нервно поправлять и без того безупречный воротник. А инспектор Вэйн, по своему всегдашнему обыкновению, обернулся к вам и предоставил сделать вывод самостоятельно.

Итак, мой друг, перед вами одиннадцатая загадка. Хозяин дома мёртв, драгоценная коллекция монет исчезла, а трое домочадцев в один голос клянутся, что в эту бурную ночь не покидали дома. Но на общей вешалке два плаща сухи, как и подобает одежде тех, кто сидел в тепле, а третий — плащ секретаря Лэнга — промок насквозь, тяжёл от воды, и с него

ещё капает свежая дождевая влага.

О чём говорит вам этот мокрый плащ? Может ли намокнуть под дождём одежда того, кто, по его собственным словам, весь вечер не выходил из дому? А коли плащ Лэнга промочен уличным ливнем — стало быть, секретарь выходил наружу и лжёт об этом. Зачем же ему лгать? И что он делал под бурей в ту самую ночь, когда из запертого кабинета исчезла коллекция, а окно в сад осталось неплотно прикрытым?

Вспомните уроки прежних дел: вода и сырость — свидетели, что не умеют лгать. Сухой зонт выдал того, кто пришёл после дождя; а мокрый плащ выдаёт того, кто выходил под дождь, как бы упорно он ни твердил, что просидел весь вечер в сухом тепле. Состояние одежды хранит память о непогоде вернее всякого алиби.

Кто же похитил коллекцию господина Хоторна и был причастен к его гибели? И почему промокший плащ изобличает истинного виновника вернее любого признания?

Истина, как всегда, у вас перед глазами. Нужно лишь уметь её увидеть — даже сквозь стену проливного дождя над ночным Грейпортом.

Ответ к Загадке №11. Мокрый плащ

Коллекцию золотых монет похитил секретарь, господин Лэнг, — тот самый, что спокойнее прочих уверял, будто весь вечер не вставал из библиотечного кресла и носа на улицу не казал. Он-то и был причастен к гибели хозяина и к исчезновению монет. А выдал его, как верно подметил инспектор Вэйн, не свидетель и не оговорка, а его собственный плащ — промокший насквозь под тем самым ливнем, под который он, по его же словам, и шагу не ступал. Лэнг мог говорить что угодно, но вода на его плаще заговорила за него громче всякого признания.

Давайте проследим за рассуждениями инспектора Вэйна шаг за шагом, ибо это дело — родной брат делу о чужом зонте, только погода в нём оборачивается уликой не против пришедшего после дождя, а против того, кто под дождь выходил.

— Начнём с того, мой друг, — говорил Вэйн вполголоса, отведя вас от вешалки, — что говорят нам все трое в один голос. А говорят они одно и то же: буря страшная, на улицу никто не выходил, весь вечер просидели под крышей. И слова эти на первый взгляд весьма правдоподобны — кто же по доброй воле полезет под этакий ливень? Стало быть, примем их рассказ и спросим: а что из него следует? Следует простая вещь. Если никто не выходил наружу, то и вся верхняя

одежда на общей вешалке должна быть сухой. Сухой до последней нитки. Ибо плащ, висящий в тёплой прихожей, сам собою не намокнет — ему неоткуда взять воды.

Инспектор поднял палец.

— Это и есть наша проверка, мой друг. Слова можно произнести любые, но одежда говорит правду помимо воли хозяина. Я прошёлся по вешалке и тронул каждый плащ. Плащ госпожи Хоуп — сухой насквозь. Пальто молодого Реджинальда — сухое, да ещё слегка подёрнутое пылью, как вещь, которую давно не надевали. Их одежда подтверждает их слова: эти двое и вправду сидели в тепле. А вот третий плащ — плащ господина Лэнга. Вы трогали его сами. Каков он на ощупь?

— Мокрый, — ответили вы. — Тяжёлый от воды, холодный, и с подола ещё капает.

— Мокрый насквозь, — кивнул Вэйн. — Промокший, отяжелевший, и под ним натекла лужица — стало быть, вода ещё свежа, ещё не успела ни высохнуть, ни даже стечь до конца. От ткани веет уличной прохладой и сыростью. Это не влага тёплой комнаты — это дождевая вода, и вода обильная, какую наберёшь лишь под открытым небом в самый ливень. А теперь сопоставьте это с его собственными словами. Он клялся, что весь вечер просидел в библиотеке, разбирая бумаги, и на улицу не выходил вовсе. Но сухой плащ не намокнет в библиотеке. Вода на нём могла взяться лишь одним путём — снаружи, под бурей. Стало быть, господин Лэнг лжёт.

Он выходил из дому, выходил под этот самый дождь, и выходил недавно — иначе плащ, провисев долго в тепле, успел бы хоть немного обсохнуть, а он ещё течёт.

Вэйн сложил руки за спиной.

— Заметьте, мой друг, как изящно переключается это дело с давешним делом о чужом зонте. Там перед нами был сухой зонт в дождливое утро — и сухость эта выдала человека, который под дождём не шёл, а явился позже, по солнцу. Здесь же всё наоборот: мокрый плащ в дождливую ночь — и мокрота эта выдаёт человека, который под дождь как раз выходил, хотя клянётся, что сидел в сухом тепле. Влага — свидетель честный и беспристрастный. В одном случае её отсутствие изобличает лжеца, в другом — её присутствие. Важно лишь спросить: соответствует ли состояние вещи тому, что нам рассказывают? Сухой зонт не вязался с дождём; мокрый плащ не вяжется с креслом у камина. И там, и тут несоответствие изобличает ложь.

Инспектор перешёл ко второй части — к тому, что эта ложь означала.

— Теперь спросим себя: отчего человеку лгать, будто он не выходил? Мало ли, скажете вы, причин выйти в бурю. Так-то оно так — но припомните обстановку. Хозяин заперся в кабинете один, и наутро его нашли мёртвым. Драгоценная коллекция исчезла из шкафа. А окно, выходящее в сад, закрыто, но не заперто — будто кто-то выбирался через него наружу или возвращался обратно. И вот среди троих

домочадцев ровно один промок под дождём — и ровно он же уверяет, что не выходил. Если бы выход его был невинен, к чему лгать? Невинному незачем скрывать прогулку. Лжёт тот, чей выход связан с тем, что случилось нынче в кабинете. А что случилось — мы видим: пропали монеты, погиб хозяин.

Вэйн кивнул на неплотно прикрытое окно.

— Вот вам и связь. Лэнг, человек ближний к хозяину, знавший и про шкаф, и про то, что монеты держат дома, а не в банке, дождался, пока хозяин заперся один в кабинете в разгар бури. Буря же — лучший сообщник: вой ветра и шум ливня заглушают всякий звук, а темень и непогода отвадят любого случайного свидетеля. Под этим прикрытием он и сделал своё чёрное дело, забрал коллекцию, а после выбрался под дождь — должно быть, чтобы спрятать добычу подальше от дома: в саду, в сарае, под камнем у ограды, а то и передать её через ограду поджидавшему сообщнику. Оттого и окно в сад осталось приоткрытым — этим путём он выходил и возвращался. А вернувшись в дом, он повесил плащ на общую вешалку рядом с сухими плащами прочих — и не сообразил, не успел или не сумел его высушить. Сухие плащи соседей лишь оттенили его собственный, мокрый, как чёрное пятно на белом.

Вы спросили: но довольно ли мокрого плаща, чтобы обвинить человека в столь тяжком деле? Инспектор предугадал сомнение.

— Сам по себе мокрый плащ доказывает лишь одно — что Лэнг выходил наружу и солгал об этом, — ответил Вэйн. — Этого мало, чтобы вешать на человека гибель хозяина, и я первый это признаю. Но это та самая ниточка, потянув за которую, мы распутаем весь клубок. Раз он солгал о главном — о том, где был в роковой час, — значит, ему есть что скрывать, и теперь мы знаем, кого допрашивать с пристрастием и где искать. Спрятанная под дождём коллекция оставит следы: примятую траву, потревоженную землю, грязь на его сапогах под стать тому месту, где он её зарыл. А его ложь о том, что он не выходил, рассыплется при первом же сличении с мокрым плащом. Уличённый в одной лжи, человек редко удерживает остальные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.